
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 20 МАЙ 1980
35 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Москва. 9 Мая 1980 года. У могилы Неизвестного солдата.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (2760)

17 МАЯ 1980

9 мая, в день 35-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

С именем величайшего пролетарского революционера и мыслителя, организатора Коммунистической партии Советского Союза, основателя Советского социалистического государства — Владимира Ильича Ленина — неразрывно связаны все свершения трудящихся СССР. Под знаменем Ленина советский народ отстаивал свободу и независимость своей Родины, победил в Великой Отечественной войне, принес народам освобождение от фашизма.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства направляются к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, где выстроились воинские части Московского гарнизона. На гранитной плите у Вечного огня высечены слова: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». У обе-

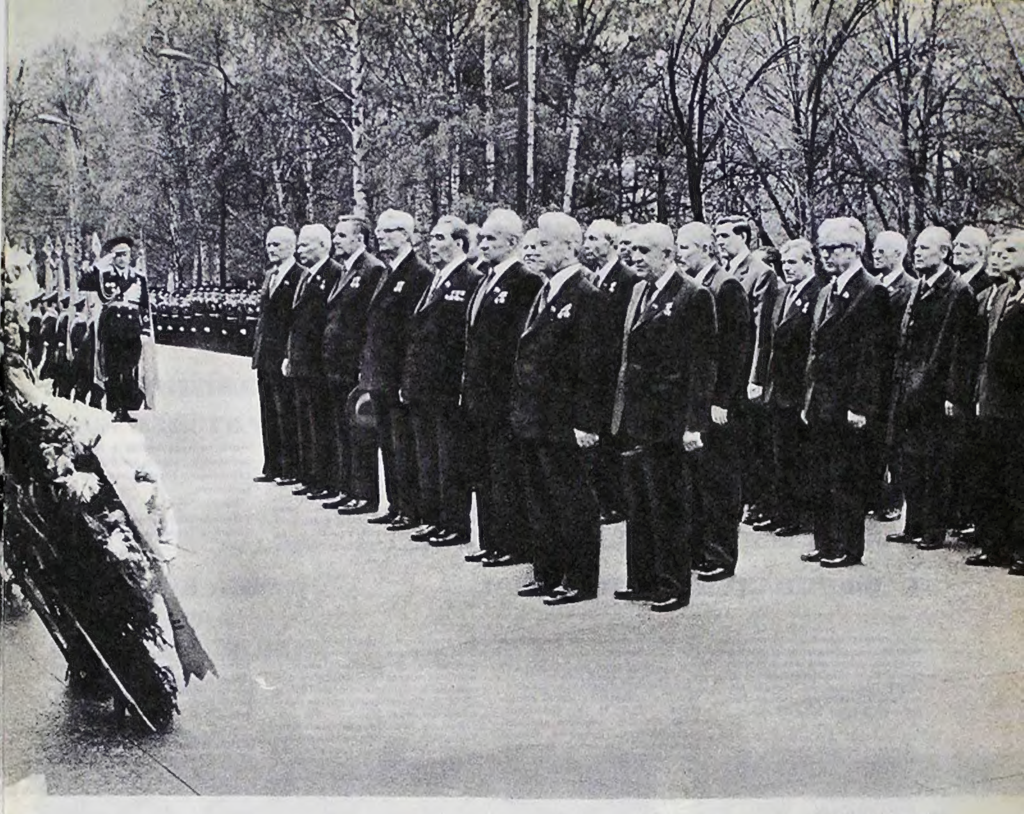

Фото А. Гостева

К МАВЗОЛЕЮ В. И. ЛЕНИНА И МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

лисков городов-героев выстроен почетный караул советских воинов. Приспущены боевые знамена.

Звучат торжественно-траурные мелодии.

Руководители КПСС и Советского государства возлагают венок к могиле Неизвестного солдата. На алой ленте слова: «Павшим в боях за свободу и независимость социалистической Родины от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков минутой молчания почтили память воинов, отдавших жизнь, защищая свободу и независимость Советской Родины, во имя прочного мира на земле.

При возложении венков руководителями Коммунистической партии и Советского государства были председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, заместители Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Н. К. Байбаков, В. Э. Дымшиц, К. Ф. Катушев, Т. Я. Киселев, Н. В. Мартынов, Г. И. Марчук, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, председатели палат Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, В. П. Рубен, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, председатель ВЦСПС А. И. Шибаев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

От Вооруженных Сил СССР венок к могиле Неизвестного солдата возложили Маршалы Советского Союза, генералы, ветераны Великой Отечественной войны.

Звучит Гимн Советского Союза. Торжественным маршем перед могилой Неизвестного солдата проходят части Московского гарнизона, отдавая воинские почести павшим героям Великой Отечественной войны.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Э. БАБЮХА

6 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР Э. Бабюха, находившегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом.

Состоялась беседа, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Товарищ Л. И. Брежнев тепло поздравил товарища Э. Бабюха с назначением на высокий пост Председателя Совета Министров ПНР и пожелал успехов в работе польского правительства по реализации решений VIII съезда партии.

Было отмечено, что советско-польское сотрудничество становится все более глубоким, разносторонним и зрелым. Были высказаны соображения о путях дальнейшего совершенствования этого сотрудничества в политике, экономике, науке, технике и других сферах государственной деятельности.

Беседа прошла в сердечной, товарищеской атмосфере и отличалась полным взаимопониманием.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению советского руководства с официальным дружественным визитом 6 мая в Москву прибыл член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Эдвард Бабюх.

6 мая в Кремле начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР Э. Бабюхом.

В переговорах приняли участие:

с советской стороны — заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, К. Ф. Катушев, министр внешней торговли Н. С. Патоличев, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцев, посол СССР в ПНР Б. И. Аристов;

с польской стороны — член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР, председатель комиссии планирования Т. Вжащик, министр внешней торговли и морского хозяйства Р. Карский, посол ПНР в СССР К. Ольшевский, другие официальные лица.

В ходе переговоров были рассмотрены вопросы дальнейшего углубления братских связей и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и народной Польшей в соответствии с решениями XXV съезда КПСС и VIII съезда ПОРП, а также договоренностями, достигнутыми во время встреч Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека.

Были обсуждены некоторые международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Переговоры проходили в сердечной и дружественной обстановке.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Советские руководители в посольстве Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Фото А. Гостева

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

6 мая товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков посетили посольство СФРЮ в СССР в связи с кончиной Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

Минутой молчания они почтили память выдающегося государственного и партийного руководителя Югославии, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неустанного борца за мир, придававшего важное значение развитию всестороннего сотрудничества между СКЮ и КПСС, между Югославией и Советским Союзом.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства расписались в траурной книге соболезнований.

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В БЕЛГРАДЕ

7 мая в Белград прибыла партийно-государственная делегация СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

В состав делегации входили член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов.

Партийно-государственная делегация СССР во главе с товарищем Л. И. Брежневым посетила Скупщину СФРЮ, где был установлен гроб с телом Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

Делегация возложила венок и почтила минутой молчания память покойного. Она сделала запись в траурной книге соболезнований.

Белград. Скупщина СФРЮ. Минута молчания.

Телефото Э. Песова и В. Соболева (ТАСС)

Во время беседы.

Телефото Э. Песова и В. Соболева (ТАСС).

ВСТРЕЧА С РУКОВОДСТВОМ ЮГОСЛАВИИ

7 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с руководством Югославии.

В беседе, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов; с югославской стороны — Председатель Президиума СФРЮ Л. Колишевский, председательствующий Президиума ЦК СКЮ С. Дороньский, член Президиума ЦК СКЮ А. Грличков, член ЦК СКЮ, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ И. Врховец.

Выражая соболезнование в связи с кончиной И. Броз Тито, Л. И. Брежнев сказал: «Мне лично трудно и больно представить, что из жизни ушел товарищ Тито. Меня связывали с ним давние добрые отношения. Я ими очень дорожу».

Л. И. Брежнев отметил, что во время встреч с И. Броз Тито были приняты основополагающие совместные советско-югославские документы, которые и ныне служат прочной основой тесного сотрудничества между Советским Союзом и Югославией. Советское руководство желает, чтобы в советско-югославских отношениях, продолжал Л. И. Брежнев, всегда царили атмосфера взаимопонимания и доверия, сердечность, абсолютное равноправие. Многие годы сотрудничества свидетельствуют, что в лице Советского Союза народы Югославии имеют верного и надежного друга. Советские люди всегда хотели и хотят видеть братскую Югославию единой, сплоченной, процветающей страной, успешно строящей социализм.

Югославские руководители, со своей стороны, высоко оценили сотрудничество во всех областях между Югославией и СССР как по государственной, так и по партийной линии.

Обе стороны заявили о решимости всемерно расширять сотрудничество между КПСС и СКЮ, между СССР и СФРЮ.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ПРЕЗИДЕНТА МОК М. КИЛЛАНИНА

7 мая в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял президента Международного олимпийского комитета лорда Килланина.

В ходе беседы отмечалось, что Советский Союз полностью выполняет взятые на себя обязательства и делает все, чтобы в нынешних сложных международных условиях был сохранен благородный дух олимпийского движения, основанный на доброй воле и дружбе между народами. Состоялся обмен мнениями по проблемам, возникшим в международном спортивном и олимпийском движении.

На встрече присутствовали председатель Оргкомитета «Олимпиада-80», заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» В. Г. Смирнов, директор МОК Моник Берлю.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

В ТЕ ПЕРВЫЕ ДНИ

19 мая исполняется 90 лет со дня рождения первого Президента Демократической Республики Вьетнам (ныне — СРВ) Хо Ши Мина.

Сергей АФОНИН,
Евгений КОБЕЛЕВ

В небольшой комнате Хо Ши Мин сидит за обеденным столом, чуть сгорбившись, и не торопясь что-то пишет. На нем коричневая крестьянская роба, широкие штаны того же цвета, сандалии на босу ногу.

Хозяева дома неоднократно спрашивали гостя, не нужно ли ему чего-нибудь принести, и каждый раз он с улыбкой отвечал:

— Спасибо, все хорошо.

Для них он был «приехавшим погостить родственником». Настоящего его имени они не знали.

Время в Ханое было тревожное. От контрреволюционных сил можно было ожидать любой выходки, поэтому было решено, что по приезде в Ханой Хо Ши Мин остановится на одной из конспиративных квартир. Для этой цели был выбран дом на улице Ханги-ганг, расположенной в старой части города. Здесь Хо Ши Мин писал сейчас исторический документ — Декларацию независимости, которая в ближайшие дни будет торжественно обнародована им, председателем Временного правительства нового Вьетнама.

Этот исторический документ Хо Ши Мин зачитал 2 сентября 1945 года с трибуны митинга, состоявшегося в Ханое на площади Бадинь. Очевидцы вспоминают, что в этот день весь народ вышел на улицы со знаменами и цветами. Это был всенародный праздник — день провозглашения нового Вьетнама, первого государства рабочих и крестьян в Юго-Восточной Азии.

Поднявшись на высокую трибуну, Хо Ши Мин увидел человеческое море, которому, казалось, не было конца. Вместе с ним поднялись члены Временного правительства. Наступила тишина. К микрофону подошел Хо Ши Мин в скромном костюме цвета хаки, специально сшитом для этого торжественного случая. Он чувствовал на себе взгляды сотен тысяч людей. Большинство из них видели его впервые в жизни. Он начал читать Декларацию независимости. Радость охватила людей, потому что с каждым словом все дальше в прошлое уходил мрак пережитого и ярче становился солнечный день.

— Хорошо ли вы меня слышите, соотечественники? Ясно ли я говорю? — вдруг остановившись, спросил он.

— Да-а,— разом откликнулось много тысяч голосов.

— Народ, который в течение более 80 лет вел упорную борьбу против французского господства, который несколько лет мужественно сражался в рядах союзников против фашизма,— такой народ имеет право быть свободным! Такой народ должен быть независимым! — торжественно провозгласил Хо Ши Мин.

* * *

Рождение Демократической Республики Вьетнам стало историческим событием. Но каждый вьетнамец понимал, что молодую республику ждут серьезные испытания. Выстоит ли она, выдержит ли народ? Это были вопросы, которые ставила сама жизнь. Вопросы эти волновали и Хо Ши Мина. Он видел, что над страной сгущаются тучи. Повсюду царила нищета. Еще не был ликвидирован голод. После сильного наводнения на страну обрушилась засуха. Революционная власть была еще слишком молода и неопытна. В то же время со всех сторон к Вьетнаму спешили иностранные войска, от которых исходила самая главная опасность для ДРВ.

Будущее республики зависело от очень многих факторов, в том числе и от своевременного решения целого ряда острых проблем внутренней жизни страны. Обсуждению этих проблем и было посвящено первое заседание правительства республики. Оно состоялось утром 3 сентября в зале бывшей резиденции французского губернатора в Северном Вьетнаме. Хо Ши Мин начал свое выступление с короткого приветствия в адрес членов правительства и сразу же перешел к главному. Отметив, что ни у него, ни у других присутствующих на этом заседании нет опыта управления государственными делами, он сказал:

— Ну что же, мы будем работать и учиться, учиться и работать. Наверняка, не обойдется без ошибок, но мы будем их исправлять, у нас хватит мужества действовать именно таким образом. Уверен, что добиться успеха в этом нам поможет чувство глубокой любви к родине и народу...

Перед ним на столе лежал небольшой лист бумаги с наброском тезисов сегодняшнего выступления. Из великого множества больших и сложных дел, стоящих перед страной, он выделил только самые важные и неотложные.

Первое — борьба с голодом. Нужно было мобилизовать все силы и средства, чтобы как можно скорее решить продовольственную проблему, иначе голодная смерть будет и дальше косить людей.

Вторая насущная задача — ликвидация неграмотности.

Вскоре был создан Комитет по ликвидации неграмотности. В городах и деревнях открылись десятки тысяч кружков ликбеза.

В сентябре начался первый учебный год в республике. Хо Ши Мин не мог не откликнуться на это событие. Он пишет «Письмо школьникам», в котором называет счастьем то, что ребята отныне смогут получать подлинно национальное образование.

Третье — организация всеобщих выборов, осуществление демократических свобод. Хо Ши Мин указывал: необходимо укреплять веру народа в новый строй. Этому способствовала широкая политическая кампания по подготовке к выборам в Национальное собрание. Одновременно была образована Комиссия по выработке конституции во главе с Хо Ши Мином.

Четвертая — агитационно-пропагандистская кампания с целью воспитания у граждан трудолюбия, бережливости, честности, правдивости и ликвидации дурных пороков и привычек, оставленных колониальным режимом.

Пятое — немедленная отмена подушного, рыночного налогов и платы за речные переправы; абсолютный запрет курения опиума.

Шестое — объявление свободы вероисповедания.

Такова программа конкретных мероприятий молодого государства.

...В сентябре обстановка в стране резко обострилась. В Северном Вьетнаме при поддержке чанкайшистской армии активизировались контрреволюционные силы.

Еще более напряженным было положение в Сайгоне. 2 сентября, когда в городе шла праздничная демонстрация по случаю провозглашения ДРВ, враги открыли огонь по колоннам. Было убито и ранено 47 человек. Поощряемые англичанами, французы устраивали все более крупные провокации. В ночь с 22 на 23 сентября они захватили административные здания и другие важнейшие пункты в городе. Это было начало войны. Революционные власти Юга немедленно обратились к населению с призывом подняться на борьбу с захватчиками.

Вскоре на юге высадился французский экспедиционный корпус, и военные действия приобрели еще большие масштабы.

Организация сопротивления на Юге стала центральной задачей дня. Огромное внимание Хо Ши Мин уделял мобилизации народа на защиту революции и разъяснению характера борьбы.

...Одна из важнейших задач правительства состояла в том, чтобы провести всеобщие выборы в Национальное собрание, назначенные на 6 января нового, 1946 года. Это были первые всеобщие выборы в истории Вьетнама.

Итоги выборов убедительно показали, насколько высоким был авторитет Вьетминя среди народа. Наибольшее количество голосов получил Хо Ши Мин, баллотировавшийся в столице.

В первый год жизни республики многое из того, что происходило, совершалось впервые. Это были дни крушения старого, рождения и становления нового, небывалого на вьетнамской земле. И даже обычные события обретали теперь особую новизну, поскольку они тоже сочетались со словом «первый».

Фото Дм. Бальтерманца.

Отрывок из книги С. Афонина и Е. Кобелева «Товарищ Хо Ши Мин», которая выходит в издательстве «Политическая литература».

ОТЪЕЗД СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СОВЕЩАНИЕ ПКК В

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Гостева

ПРИБЫТИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В

Встреча в Варшаве.

Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС)

ВАРШАВУ

13 мая из Москвы в Варшаву для участия в очередном совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора отбыла советская делегация, возглавляемая Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

В состав делегации входят член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков.

На аэродроме делегацию провожали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, М. С. Горбачев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС и другие товарищи.

Вместе с делегацией в Варшаву отбыли помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, заведующий Отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцев, помощник Председателя Совета Министров СССР Б. Т. Бацанов, заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров.

Среди провожавших находился посол ПНР в СССР К. Ольшевский.

ВАРШАВУ

Советская делегация, возглавляемая Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, прибыла 13 мая в Варшаву для участия в работе очередного совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

В аэропорту, украшенном государственными флагами СССР и ПНР, советскую делегацию встречали Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, Председатель Государственного совета ПНР Г. Яблоньский, Председатель Совета Министров ПНР Э. Бабюх, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ПОРП, секретари ЦК ПОРП, другие партийные и государственные деятели, а также посол СССР в ПНР Б. И. Аристов.

При встрече был выстроен почетный караул и исполнены гимны Советского Союза и Польской Народной Республики.

В этот же день состоялась дружественная беседа товарища Л. И. Брежнева и других членов советской делегации с товарищами Э. Гереком, Г. Яблоньским, Э. Бабюхом, другими польскими руководителями.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

И СТЕПЬ ЗАГУДЕЛА

Запоздавшая во многих районах страны весна до предела уплотнила сроки проведения полевых работ. Омичи, порадовавшие страну в минувшем году большим хлебом, стремятся нынче закрепить успех, ударно, с отличным качеством провести весеннюю страду. Загудели моторы на бескрайних просторах. Буквально за считанные часы провели задержание влаги, что особенно важно в этих засушливых степях, земледельцы совхоза «Русско-Полянский» — одного из крупнейших зерновых хозяйств области. Вешнее поле назвало имена правофланговых трудового состязания механизаторов.

Секретарь парткома совхоза В. И. Кузьменко вручает трактористу Н. А. Гавриличу красный флажок за успехи в работе.

Фото А. Чепурко (ТАСС)

ЧЕРКЕССК

УЛИЦА КОНДОЛОВЫХ

Штукатура-маляра треста «Карачайчеркеспромстрой» Нину Александровну Кондолову премировали туристической путевкой для поездки в Болгарию. Премия — сама по себе всегда радость, но тут радость была необычной, к ней примешивалась надежда встретить за Дунаем родственников. Дело в том, что отец Нины Александровны—Александр Петрович — родился в Болгарии. Мальчишкой вместе с братом Михаилом он покинул родину: из Варны мальчишки тайком приплыли в Одессу. А в Болгарии остался отец и старший их брат Иван... Шли годы. Кондолов женился в России, родились дети. Из писем, которые изредка приходили от родных, Александр Петрович знал, что Иван в Болгарии тоже со временем женился, у него росла дочь Мария.

...Началась Великая Отечественная война, связь с Болгарией прервалась. А потом Александр Петрович умер. Но перед смертью успел напомнить дочери: «Постарайся съездить в Болгарию, там у тебя есть двоюродная сестра...»

И вот теперь эта путевка! Нина Александровна не очень надеялась на встречу. Столько времени прошло, столько событий! Война по Европе прокатилась... Да и знала она только имя и фамилию сестры. Но фамилия-то девичья.

Когда Нина Александровна обратилась в Софии с просьбой отыскать родственников, ей охотно помогли. Народная милиция, работники радио и телевидения—все занялись поисками. Нина Александровна была в Пазарджике, когда к ней нагрянули ее сестра Мария с мужем Тотю и дочерью Мариной. Трудно передать словами радость встречи! Оказалось, что у Нины Александровны в Болгарии много родственников. Ее племянницы живут в городе Велико-Тырново, а возле этого города есть село Капиново — там целая улица Кондоловых!.. И везде Нина Александровна побывала, со всеми встретилась. Конечно, всех приглашала к себе, в Карачаево-Черкесскую автономную область.

— Ждите, приедем,— отвечали ей.

Почти год минул. И вдруг телеграмма: «Встречайте!» Первой приехала свекровь племянницы Марины. Вслед за ней сама Марина с мужем Георгием и дочкой Богданой. Веселым наполнился дом Нины Александровны. И тут выяснилось, что Георгий и Марина живут и работают... в Коми АССР. В Болгарии много лесов, и болгары приезжают в леспромхозы нашей страны за опытом.

Много дней провели гости в Карачаево-Черкесии. Они познакомились со столицей—Черкесском, посетили «Зеленый остров», побывали в Теберде, на Домбае, в городах зоны Кавказских Минеральных Вод. Были они и в музее защитников перевалов Кавказа. Прощаясь, говорили на разных языках: «До новых встреч!»

В. ФИЛИПЕНКО

ДОНБАСС

«ВЫ ВЕДЬ В ГОРЛОВКЕ!»

...Четная работа железнодорожного кассира не позволяет удлиниться очереди, она тает на глазах. Но вот появился нетерпеливый пассажир:

— Побыстрее можно?

— Конечно, можно,— отвечает женщина по ту сторону окошка.— Вы ведь в Горловке!.. Засекайте время... Пожалуйста, готово! Следующий...

Многие заулыбались. Откуда у кассира такая выдержка?

Вместе с начальником вокзала А. Г. Сагавчуком входим в помещение касс. На рабочем месте старшего кассира Н. И. Корляковой и ее коллег чуть выше окошек строки правил, составленных самими работниками: «Обслуживай пассажиров усталых — терпеливо, грубых — хладнокровно, обидчивых — мягко, застенчивых — предупредительно».

— В этом весь секрет успехов горловчан?

— Только финишная часть, психологическое обеспечение его,— замечает Алексей Григорьевич Сагавчук.— А начало — в совершенстве материально-технической базы пассажирских перевозок, диспетчерской и информационной служб, в механизации и автоматизации билетно-кассовых операций. Теперь наш рядовой, можно сказать, вокзал обслуживает в год почти полмиллиона пассажиров.

В Горловке открыт объединенный центр железнодорожных и авиационных касс предварительной продажи билетов.

Как сообщил заместитель начальника Донецкой железной дороги В. И. Асеев, уже в 1978 году объем пассажирских перевозок достиг уровня, предусмотренного на конец десятой пятилетки.

В. КОСТЫРЯ,
спецкор «Огонька»

ФАРФОР, КЕРАМИКА, ЖИВОПИСЬ

В зале выставки. Фото А. Награльяна

В Москве открылась выставка работ народного художника РСФСР Михаила Михайловича Тараева. На ней показаны прекрасные чайные сервизы, такие, как «Снегири», «Рябинка», «Лето», «Вербилки» и четких, лаконичных линий «Русский витязь» — белый с золотом, с крышками, повторяющими форму куполов-луковок старых храмов. Все эти наборы из фарфора уникальны и существуют пока только в одном экземпляре.

Керамику мастера, его чайные и кофейные сервизы, квасники, скульптуру можно встретить на прилавках магазинов — они тиражированы, и сейчас кто-то из читателей «Огонька», возможно, уже имеет у себя дома работы замечательного художника.

НЕСТЕРОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Май 1890 года. В абрамцевский дом Мамонтовых вошла весна. У окна — двое. Один высокий, прямой, сдержанный — Нестеров. Другой поменьше ростом, худощавый, подвижный — Врубель.

Два Михаила, два художника...

— Вот уже месяц, как работаю над «Демоном», ничего не получается,— горячо, взволнованно проговорил Врубель,— пишется все не то. Мечусь и мучаюсь между работой и порывами к кубку жизни.

Ветер открыл окно, с улицы пахнуло прохладой и свежестью.

— Задумал я отразить нашу национальную русскую ноту,— продолжал Врубель,— красивую, могучую и... немного печальную.

На Нестерова глядели странные прозрачные глаза. Быстрые, нервные, почти судорожные движения рук только подтверждали чрезвычайную ранимость творца «Демона».

Врубель оперся о подоконник и зябко поежился.

— Мою искренность,— сказал он,— мое стремление к передаче страстных духовных движений, к экспрессии принимают за парадокс, хотя иногда я сам чувствую, увы, что ничего еще не сделал.

— Михаил Александрович,— неторопливо промолвил Нестеров,— настоящие художники: Илья Репин, Виктор Васнецов, Валентин Серов — все любят, ценят ваши творения, ждут многого, очень многого.

— Легко, Михаил Васильевич, все это говорить,— взорвался Врубель,— хорошо, когда у вас уже есть «Варфоломей»!..

— Дорогой мой,— ответил Нестеров,— если бы вы знали, какие адовы муки я принял, написав «Варфоломея». Меня ругают и сегодня. Ведь совсем недавно говорили, что я сумасшедший. Это мне сказала простодушная и милая барышня.

Он одернул строгий черный сюртук.

— В Петербурге, в Москве слушал я больше неприятностей о «Варфоломее», чем доброго. Скажу главное: берегите свой огромный талант! Думаю и верю, что он победит все препоны.

Кто мог предсказать в тот светлый, майский день, что Михаилу Врубелю осталось творить всего каких-нибудь полтора десятка лет. Но все же успеет он за этот короткий срок создать картины, поражающие поэзией, страстным полетом фантазии, стремлением постичь мир, неведомый человеку, которые поистине станут драгоценными жемчужинами русской школы живописи. Он не вынес перепадов непризнания и внезапной славы, лет бедности. В конце жизни тяжко заболел и последние годы провел в психиатрической лечебнице.

Другому участнику этой встречи в Абрамцеве — Михаилу Нестерову суждено было писать еще добрых полвека. Он ушел от нас в год своего восьмидесятилетия, в 1942 году.

Жизнь после жизни. Жгучая неответная бездна.

Однако искусство, поэзия, музыка, любое большое творчество находит ясный ответ — великое создание живет после смерти художника, писателя, композитора.

Искусство — бессмертно.

Живописец, увидевший по-своему новь, время, людей, мир природы, Отчизну и воспевший все это в картинах ярких, звучных,— вечен.

Так полноводная река утром отражает в своей глади свежую, румяную зарю. Днем зыбкая рябь несет в себе сверкание солнца и бег облаков. Вечерний закат тает в покатых волнах. Наступает ночь, и тогда в черном зеркале вод реки бежит лунный след и мерцают искры звезд. Кажется, в эти тихие мгновения земной трепетной красы почиет сама вечность.

Чем крупнее художник, чем более велик дар его музы, тем мощнее, объемней и красочней мир его полотен.

На берегах реки Белой в городе Уфе родился 31 мая 1862 года большой русский живописец Михаил Васильевич Нестеров. Еще Аксаков воспел природу этих уральских краев, сказочно неповторимых. Творчество мастера похоже на кристальные воды реки Белой — могучие, полные скрытой силы, исконной своеобычной прелести.

Замечательная картина — «Видение отроку Варфоломею», написанная накануне двадцатого столетия, опередила многие «новации» нашего пестрого и суетного века. Удивляет больше всего, что, использовав в этой картине последние достижения европейского пленэризма XIX века, художник создал феноменальное по духовности русское произведение.

Бывают личности, которые своей жизнью, долгой и многотрудной, творчеством ярким, честным, духовно сложным создают национальное богатство, становятся частью истории Родины. Ей безраздельно, до последнего дыхания, отданы все их помыслы. Целиком, без единого сомнения в правильности раз найденного пути.

Нестеров... Шестьдесят лет труда, каждодневного, упорного, страстного, бескомпромиссного. Судьба его непроста. Ему довелось начинать свою жизнь в искусстве рядом с гигантами русской школы — Суриковым, Репиным, Васнецовым, учиться вместе с Левитаном и Константином Коровиным. Показывал он на выставках свои полотна рядом с Врубелем, Валентином Серовым. Великолепный живописец, он уже в ранних работах обрел свой голос. Родилась «нестеровская красота Руси» — лирическая, удивляющая свежестью, сердечностью. Мастер владел могучими средствами пластики. Но главная его сила заключалась в проникновении в самую суть русской души с ее глубиной, подвигом, любовью к ближнему. Больше полувека творить и создавать шедевры, ничуть не теряя первозданной остроты и напряжения,— подвиг!

Это служение искусству являет собою достоверный пример самоотверженности, той поражающей даровитости, которая свойственна немногим. Нестеров — фигура историческая, он показывает нам пример суровой непримиримости, гражданственности, патриотизма в самом высоком понимании этого слова.

Велика его роль хранителя традиций русского реалистического искусства и в то же время новатора, давшего нам совершенно новое толкование сюжетов, давно известных. Его искусство развивалось на рубеже двух веков. Первые картины, ставшие ныне классикой, были откровениями по широте прозрения. Муза осенила художника на великий труд, чтобы одолеть сложнейшие по духовной тонкости сюжеты. Древняя Русь с ее героикой, былинностью, дивной природой, словно живая, предстала в его холстах. Они были настолько необычны, что при всей классичности исполнения вызвали недовольство, хулу и критику. Но живописец был уверен в своей правоте, он дерзал! Сегодня ясно, насколько значителен его вклад в мироощущение старой Руси, переданное языком нового искусства. Нестеров сумел воплотить темы национальные в форму настолько высокую, что его холсты могут быть справедливо отнесены к шедеврам мирового значения. Он творил во время «русского Ренессанса», как и Врубель, Валентин Серов, Левитан, Рябушкин, Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Борисов-Мусатов, Бенуа, Кустодиев.

Это движение в нашем искусстве характерно осмыслением русской иконы, гениального творчества Рублева, глубиной проникновения в классическое наследие русской и западной живописи и одновременно освоением новаций импрессионистов. Традиции и новаторство — вот два столпа, на которых зиждился новый храм русской школы живописи конца XIX — начала XX века.

В 1874 году из далекой Уфы в Москву приезжает паренек — Михаил Нестеров. Через три года восторженный провинциал принят в Училище живописи, ваяния и зодчества. Долго бродит он по древней столице Руси, любуется Кремлем, Китай-городом... Потянулись годы учебы, но юноша никогда не забывал свой дом, старинный уклад быта, свою мать, о которой он после напишет: «Она была с ясным, разумным мировоззрением, но с очень сильной волей и крайне деятельна; то, что она переделала в своей области, очень значительно и может служить красноречивым примером неутомимости в труде».

Детство. Родное гнездо. Первозданная природа. Неохватные суровые, полные былинной красоты просторы — все это оставило в душе след неизгладимый. Это была почва, на которой возрос его недюжинный талант.

Училище живописи... Все здесь жило Перовым, дышало им, носило отпечаток его мыслей, слов, дел. Поэтому нечего удивляться, что первые холсты молодого художника были проникнуты духом Перова. Хотя, конечно, в Училище были и другие преподаватели, и иные студенты. Нестеров восхищался работами братьев Коровиных, Левитана.

На третий год учения он экспонирует на ученической выставке картину «С отъездом».

Вернисаж. Все ждут Перова. Вот как описывает сам Нестеров этот день.

«Появился и он... Мы тотчас окружили его, и просмотр начался. Моя картина стояла в натурном классе, слева у окна. Долго мне пришлось ждать, пока Перов дошел до нее. Мое юное сердце билось-билось, я переживал новое, еще неведомое чувство: страх, смешанный со сладостной надеждой.

Перов остановился против картины, все сгрудились вокруг него, я спрятался за товарищей. Внимательно осмотрев картину своим «ястребиным» взглядом, он спросил: «Чья?» Ему ответили: «Нестерова». Я замер. Перов быстро обернулся назад, найдя меня взором, громко и неожиданно бросил: «Каков-с!»,—пошел дальше. Что я перечувствовал, пережил в эту минуту! Надо было иметь 17 лет, мою впечатлительность, чтобы в этом «каков-с» увидеть свою судьбу, нечто провиденциальное... Я почувствовал себя счастливейшим из людей, забыв все, оставив и Перова и выставку, бросился вон из училища и долго бродил одиноким по стогнам и весям московским, переживая свое счастье».

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ В. И. МУХИНОЙ. 1940

М. Нестеров. ПОРТРЕТ П. Д. и А. Д. КОРИНЫХ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея

Это было доброе начало. Но как еще далеко до того, что суждено создать художнику!

1881 год. Разочаровавшись в училище, Нестеров уезжает в Петербург и поступает в Академию художеств. Но, увы, консерватизм, рутина обманывают надежды молодого человека... Он начинает копировать классиков в Эрмитаже, где знакомится с Крамским, который становится истинным наставником юноши. Начинается пора исканий. Нестеров бросает Академию и в 1884 году вновь поступает в московское Училище живописи, ваяния и зодчества.

Взгляните на «Автопортрет», написанный в те годы поисков. Острый испытующий взор, строгий и немного грустный, как бы вопрошает «Смогу ли я?». Глядя на четкую лепку формы портрета, на одухотворенный образ молодого человека, веришь в серьезность его намерений. Такие, как он, невзирая на трудности, побеждают. И Нестеров докажет, что это ему по силам. Но все достигается трудом и огромным упорством уральского паренька. Тонкие вскинутые брови, острые глаза, трепещущие ноздри, четко очерченный рисунок носа, пухлые юношеские губы, упрямый волевой подбородок — все эти черты лица говорят о сложной личности творца. Михаилу двадцать лет. Он полон сил и надежд.

Через три года он женится на Марии Ивановне Мартыновской, а еще через год потеряет свою любимую, которая скончается от родов... Смерть юной супруги оставила неизгладимый след в душе художника. Он впервые почувствовал жестокую силу рока, с которым нельзя спорить, а надо уметь переносить, переживать его удары. Такое умение не раз ему будет очень нужно.

Живописец бросает писать легковесные «жанры» и создает эскизы на исторические темы. Вот что вспоминает об этих работах современник. «В этих эскизах,— пишет Глаголь,— почти всегда было что-то, обращавшее на себя внимание преподавателей и товарищей, да и вообще всех, кто их видел. Я, например, не помнил никогда ни одной из нестеровских жанровых картин, и вместе с тем ярко помню несколько его эскизов, например, один на тему из Смутного времени с темным силуэтом церкви на фоне ночного неба и красною, зловещею луною, поднимающейся из-за этого силуэта. Это была очень красивая, полная настроения композиция».

В 1886 году Михаил Васильевич заканчивает картину на звание классного художника. Тема историческая: «До государя челобитчики». В том же году получает большую серебряную медаль и удостаивается искомого звания. Картина несколько черна по живописи, но в ней есть дух времени, есть поэзия, и слышно, как бьется горячее сердце живописца, честного, влюбленного в Отчизну.

Он знакомится с Суриковым. Влияние этого гениального творца эпопей из истории Руси было велико, неизгладимо. Но молодой мастер еще должен найти собственный путь в живописи, пока же все — лишь ступени его мечты. Он переписывает «Государевых челобитчиков» и посылает на конкурс Общества поощрения художеств. Картина получает половинную премию. «Крамской был недоволен мною,— вспоминает художник,— считая, что раньше я был ближе к жизни, и он ждал от меня не того, что я дал... русская история содержит в себе иные темы, что нельзя, читая русскую историю, останавливать свой взгляд на темах обстановочных, малозначащих, придавая им большее значение, чем они стоят».

Пройдет три года, и Нестеров привлечет внимание всех. А пока он пишет картины на исторические темы, рисует, читает. Вот слова из письма к сестре, написанные в 1888 году из Сергиева посада (обратите внимание — из Сергиева посада): «Погода убийственная. Делать нечего, читаю Карамзина и восхищаюсь. Русский человек и художник».

В другом письме (оттуда же) он сообщает: «Работа моя двигается хотя медленно, но довольно сносно. Задумал еще небольшую картину, «Пустынник», которая и задержит меня, верно, здесь числа до 20 августа».

Судьба привела его в Абрамцево, где он впервые увидел произведения работавших там Репина, Васнецова, Поленова и других. Огромное впечатление произвел на Нестерова портрет Серова «Девочка с персиками». «Это последнее слово импрессионального искусства,— писал он под свежим впечатлением от Абрамцева.— Рядом висящие портреты работы Репина... кажутся безжизненными образами, хотя по-своему представляют совершенство».

Не меньшее, а, пожалуй, еще более основательное впечатление оставило у него знакомство с росписями Виктора Васнецова в церковке Абрамцева: «Детская непорочная наивность граничит с совершенным искусством... Тут русский дух, тут Русью пахнет, все мрачно, седые ели наклонили свои ветви, как бы с почтением вслушиваясь в отрывистый жалобный визг сов, которые сидят и летают тут десятками. Это чудное создание, не имеющее себе равного по эпической фантазии...»

Художник мучительно работает над картиной «За приворотным зельем», чувствуя некоторую «оперность» и постановочность полотна. Одновременно он начинает «Пустынника». В декабре 1888 года Нестеров приезжает в Уфу завершать картину. Занесенный сугробами город, закутанные с ног до головы обыватели. Трескучие холода. Морозные ночи. Мерцающие, словно озябшие, звезды. Родина... Художник пишет усердно. К новому году холст закончен, и он везет его в Москву, показывает друзьям. «Пустынник» очень понравился Левитану, он посулил приятелю успех. Василий Иванович Суриков пожурил молодого мастера за живопись. Нестеров пытается переписывать голову старика-пустынника, но неудачно. Вот как Михаил Васильевич рассказывает об этом: «Мне казалось: есть лицо — есть и картина; нет нужного мне выражения умиленной старческой улыбки — нет и картины. Мне, как Перову, нужна была душа человеческая, а я с этой-то душой безжалостно простился». Эпизод, раскрывающий истинную борьбу Нестерова за душу картины.

Эта дорога привела художника к первому его произведению, вошедшему в историю живописи.

«Пустынник». Задумчивая, тихая краса Руси. Тишина. Застыли ели. Спокойна гладь северного озера. Неспешно бредет старик, еле переставляя ноги, обутые в лубяные лапотки-самоделки. Он весь погружен в созерцание благодати, которая раскинулась кругом. Впечатление такое, будто пустынник застыл на миг и вслушивается в тишину, объявшую Землю.

Третьяков приобретает картину с передвижной выставки. Это было начало славы... Теперь Нестеров смог поехать за границу. Вот его первые впечатления от Флоренции: «Галереи Питти и Уффици полны необыкновенных художественных богатств. Прерафаэлиты тут лучшие в мире. Боттичелли, Фра Беато Анжелико, Филиппо Липпи и другие полны высокой поэзии. Вот откуда берут свое начало Пюви де Шаванны, Васнецовы...» Рим разочаровал живописца: «Колизей, собор св. Петра, Пантеон, Форум и прочее производят грандиозное впечатление, но тут нет того, что можно получить от Боттичелли... Рим до сих пор остается язычником».

Живописец знал, что ему нужно. Как перелетная птица, интуитивно летел к своей цели, а она была близка. Посещение Италии, Франции, Австрии необычайно много дало Нестерову. Он увидел величие подлинного творчества и ничтожество ремесла салонного, смог еще сильнее укрепиться в мысли о необходимости своего национального искусства.

Давно, давно зревшая мечта о воплощении в картине легенды о герое древней Руси Сергии Радонежском овладела им. Тотчас по приезде на родину приступает к эскизу и этюдам, из которых родится «Варфоломей»...

Сергий Радонежский носил в миру имя Варфоломей. Предание гласит, что, будучи еще совсем юным, он жил вместе с родителями в Радонеже. Однажды отрока послали искать пропавших коней. Варфоломей искал долго. Заблудился. И тут вдали от дома ему явился старец, схимник, и благословил его. Сказание добавляет, что на месте дивной встречи Сергий основал Троице-Сергиеву лавру, где, как известно, получил воспитание инок Андрей Рублев — гениальный русский живописец.

Поэтическое предание, уходящее корнями в быль древней Руси, глубоко взволновало Нестерова. Картина «писалась, как легенда, как стародавнее сказание, шла от молодого пораненного сердца, была глубоко искренней».

«Пораненное сердце»... Ведь художник, как и Суриков, в самом начале творческого пути теряет горячо любимую жену, глубоко страдает, переживая эту потерю.

После заграничной поездки живописец особенно остро ощутил прелесть родной природы. «Люблю я русский пейзаж,— признавался Михаил Васильевич,— на его фоне как-то лучше, яснее и глубже чувствуешь и смысл русской жизни, и русскую душу... одно несомненно хорошо — природа».

Мастер тщательно и вдохновенно пишет этюд за этюдом, воссоздавая реальность сказания о Сергии. Кропотливо, трепетно выписывается каждая веточка молодой рябинки с багряными листьями, малые былинки, могучий дуб — все эти черты русского пейзажа, помогавшие идее художника создать «правду чуда».

В искусстве это давалось очень немногим — Эль Греко, Мазаччо, отцу нашей живописи — Андрею Рублеву, чья «Троица» возвестила о рождении русского колорита, построенного на сложнейшей гармонии холодных и теплых цветов, согласно поющих славу добру и миру. Нестеров, работая над этюдами к «Варфоломею», по красочной гамме и светлоте тона инстинктивно приближался к откровениям Рублева, к его еще не до конца «раскрытому» и не изученному в те времена шедевру.

Кто лучше самого мастера расскажет о рождении картины! «Как-то,— вспоминал он,— с террасы абрамцевского дома моим глазам представилась такая русская, русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе капустные малахитовые огороды. Справа золотистая роща. Кое-что изменить, добавить, и фон для «Варфоломея» такой, что лучше не придумаешь. Я принялся за этюд, он удался, и я, глядя на этот пейзаж, проникся каким-то чувством его подлинной «историчности»...»

Современный национальный среднерусский ландшафт органично вошел в историческую ткань картины. Но самое трудное было впереди: найти убедительный образ Варфоломея. Недели шли за неделями, художник писал мальчишек, но озаренности, ощущения дива не получалось. Наконец он нашел натуру... Деревенская девочка, недавно перенесшая тяжкий недуг, тоненькая, с образом скорбным, какими-то удивительно большими глазами, радовалась выздоровлению, и ее облик как нельзя более точно ответил замыслу живописца: «Ее бледное, осунувшееся, с голубыми глазами личико было моментами прекрасно, и я это личико отождествлял со своим Варфоломеем...» Детские руки, крепко стиснутые пальцы тоже легли на холст. Этюды писались в Абрамцеве, в окрестностях Троице-Сергиевой лавры. Сама же картина создавалась в Уфе, подальше от столичной суеты. Но неожиданностей, которые готовит судьба, и в сказке не придумаешь. «Приехал я больной, пресловутая инфлюэнца заставила меня неделю вылежать в постели, и я слабый еще принялся за картину, но, верно, в недобрый час. У меня закружилась голова, и я, упав с подставки, на которой сидел, прорвал свою картину». Потянулись невыносимо долгие дни ожидания нового холста. Наконец, он был доставлен, и Нестеров, как голодный, кинулся к полотну. «Три недели я буквально работал с утра до вечера, и теперь картина замазана вся, осталось довести до возможного для меня совершенства в разработке частностей... При разработке картины я держался все время этюдов и, лишь удалив венчик с головы Варфоломея, я оставил таковой над старцем-видением, показав тем в нем проявление сверхъестественности».

Холст окончен. Полотно свернуто. Доставлено в Москву. Вставлено

в раму. Друзья живописца одобрили картину. Один из первых опять был старый друг по училищу — Левитан. Ему очень верил Нестеров, ведь пейзаж в картине был лейтмотивом всей темы... Третьяков, не дожидаясь передвижной выставки года, оставил холст за собою. Стасов, Григорович и Суворин обрушились на Третьякова, отговаривали его покупать картину. Павел Михайлович выслушал их и ответил: «Если бы я картину Нестерова не купил раньше, то, уверяю вас, купил бы ее после всего того, что слышал сегодня от вас».

Стасов был неумолим. В отчете о передвижной выставке он заявил: «Только одному из новоприбылых я не могу симпатизировать, это — Нестерову. ...В том беда, что все это он рисует притворно, лженаивно, как-то по-фарисейски, напуская на себя какую-то неестественную деревянность в линиях, фигурах и красках».

Мнение Стасова не возобладало. Суриков, Виктор Васнецов, Поленов, Ярошенко высоко оценили труд художника. Конечно, почти век спустя после события можно понять бурю, вызванную этой чудесной по живописи, искренней и правдивой, реалистической по языку картиной. Полемика и страсти утихают, а истинное искусство живет. Слишком много таланта, веры, самой души вложил мастер в старую легенду, и она ожила, стала близкой тысячам зрителей, которым, кстати, совсем небезынтересна история Сергия Радонежского, чья личность оставила немалый след в судьбах Отчизны.

В Третьяковской галерее картина была экспонирована в одном зале с полотнами Виктора Васнецова. Могучие «Богатыри» напротив «Отрока». И одно полотно ничуть не мешает другому. Наоборот, их сопоставление помогает понять, как сложна, неисчерпаема историческая тема из жизни древней Руси. В запале сиюминутного страстного спора этого не заметил даже такой человек, как Стасов — крупнейший критик и искусствовед тех дней...

Пройдите и просмотрите всю экспозицию Третьяковской галереи. И вас поразит то особое место, которое занимают некоторые холсты по своей внутренней светозарности красок. Это «Троица» Рублева, этюды Александра Иванова, картины Венецианова, полотна Ге, Сурикова, Виктора Васнецова, «Девушка, освещенная солнцем» Серова, некоторые пейзажи Левитана, «Водоем» Борисова-Мусатова и, конечно, «Видение отроку Варфоломею». Думается, что в этих холстах особенно поэтично и глубоко воплощены духовность русской живописи, ее могучая цветность, музыкальность колорита.

«Видение отроку Варфоломею». Погожий осенний день. Золото лучится в каждой выгоревшей за лето травинке, искрится на листьях трепещущих березок, мерцает в гуще леса, лежащего на пологих холмах. Тихо. Свежий хрустальный воздух прозрачен, и в этот миг с особой остротой видишь каждую веточку, каждый блик в зеркале реки. О чем-то шепчут бронзовые листья могучего дуба.

Остро ощутим ритм пейзажа древней Руси — ели, как свечи, тянутся к небу, стройные купола маленькой церкви, словно вросшей в осенний багрянец леса. Посреди этих благодатных просторов застыл отрок. Светлоголовый, он завороженно и восторженно не сводит широко открытых глаз с незнакомца. Крепко сжав тонкие пальцы рук, он верит и не верит, что перед ним чудо. Пастушок в белой, шитой красным рубашке, в алых сафьяновых сапожках, словно зачарованный, замер. Повисла на руке сбруя.

Перед ним — старец, вокруг седой головы схимника — сияние. Склонившись, старец благословляет Варфоломея-Сергия... Нежная, светлая мелодия радости слышится в картине. Гармония тишины, благоговейного созерцания, восторга передается зрителю, и мы, дети XX века, тронуты до глубины души обаянием живописи Нестерова.

Магия кисти художника зовет к добру, к дружелюбию, и этот, может быть, с первого взгляда наивный лиризм живописца глубок и мудр. Ведь он продолжает исконные традиции Андрея Рублева — ученика Сергия Радонежского, говорившего: действуй во имя единения людей, борись со злом и неправдой.

Светоносное полотно «Видение отроку» служит той же идее. Если вспомнить, что это легенда, то можно лишь поразиться силе палитры, которая была способна так свежо, с такой чистотой донести этот древний сказ.

Упорная учеба, наблюдения, освоение традиций отечественной живописи и мировой классики — все вложил Михаил Васильевич в свое полотно. Умолкли яростные споры девяностых годов прошлого века... Мы стали с тех пор могучей державой и научились беречь, ценить то старое и великое в нашей национальной культуре, что завещали нам мастера прошлого. Теперь никто не удивляется, видя несметные очереди у выставки «скифского золота» или живописи Кустодиева... Мы поняли, что, забыв Вчера нашей Родины, мы не почувствуем по-настоящему Сегодня и не увидим Завтра нашей страны.

Нестеров прожил долгую творческую жизнь. Его полотна — мир прекрасного, и что бы он ни писал — пейзаж, портрет или картину, он всегда Нестеров — прямой, честный, непримиримый гражданин-патриот.

Художник говорил: «Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитал им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью. И в портретах моих, написанных в последние годы, влекли меня к себе те люди, путь которых был отражением мыслей, чувств, деяний их».

Портрет. В руках мастера он становится глубочайшим истолкованием людской личности. Психологическим исследованием и одновременно поэмой, наполненной могучим пафосом величия духа Человека-творца. В истории искусства галерея образов современников — драгоценная летопись времени. Порою один небольшой холст художника больше рассказывает об эпохе, нежели многие толстые тома исследований, созданные иными учеными мужами.

Нестеровым написаны десятки портретов. Среди них Лев Толстой и Максим Горький, академики Иван Павлов, Алексей Щусев, Алексей Северцов и хирург Сергей Юдин, певица Ксения Держинская, художники Виктор Васнецов, братья Корины, скульпторы Иван Шадр и Вера Мухина и еще многие-многие другие, замечательные, знаменитые и скромные, незаметные на первый взгляд люди. Одно роднит все персонажи картин Михаила Васильевича — красота души, духовность. Чистота и свет, излучаемый изнутри.

Один из последних портретов, написанный всего за два года до кончины,— Веры Мухиной — поражает силой этой озаренности. Художник показал нам гениального скульптора за работой.

Русские женщины-ваятели нашего века. Голубкина, Мухина, Лебедева... Они, как знамение небывалого времени,— поэтичные, мятущиеся, страстные.

Вера Мухина — это она вознесла над Парижем стальных рабочего и колхозницу. Трудовая Европа ликовала, узрев Завтра в этих свободных от пут капитала фигурах молодых людей, устремленных вперед.

Нестеров впервые увидел Веру Игнатьевну в 1939 году и сразу загорелся написать ее портрет.

«Портрет скульптора В. И. Мухиной». Маленький холст. Но в нем движение, романтика эпохи. Лицо открытое. Крутые брови вразлет. Взор глубокий и одухотворенный. Крупный рот с мужественными складками. И чарующая женственность мягкого овала лица. Скульптор погружен в работу. Ее руки, энергичные и нервные, мгновенно на глазах художника доводят модель фигуры Борея — древнего северного бога ветра. Воздух полотна, кажется, гудит от накала напряжения творчества. Мало есть картин, в которых так зримо представлен процесс созидания. Мучительный и радостный. В этой картине раскрывается скрытая порою от глаза внутренняя красота ваяния. Еще одна замечательная черта этого шедевра. Несмотря на отсутствие временных примет — интерьера, костюма,— это портрет конца 40-х годов XX века, кануна великой битвы. На нем изображен характер неистовый, цельный, свято верующий в свое время, любящий Родину. Такие люди побеждают! Это не означает, что в образе Мухиной не ощущается дух исканий, сомнений. Необычайно строг, собран скульптор.

Мастер с европейским именем, она вобрала все лучшее, что несет в себе мировая культура, и все же она осталась глубоко русским художником, и этот ее цельный характер, прямой, может быть, резковатый, правдивый, чистый, святой по устремлениям, написан блестяще. Фигура ваятеля монолитна, цельна, почти статична, но взгляните на скульптуру — она вся порыв, движение, полет. Кажется, вот-вот оторвется от цоколя Борей и понесется, сокрушая все на пути...

Портрет Мухиной окончен. Выставлен. Вызвал всеобщий восторг. Этой картиной художник еще раз показал неисчерпаемость своего духовного заряда, воли к труду, к созиданию.

Но, к сожалению, всему есть предел. Физические силы Нестерова были на исходе.

«Мое здоровье,— писал он в 1941 году,— за последний год сильно пошатнулось, да и «пора костям на покой». Устал я от всего... работать больше не могу: нет сил. Еще они были (кое-какие) летом. Тогда, в июне, июле я написал портрет скульптора Мухиной, приобретенный в Третьяковскую галерею. Сейчас он выставлен среди других моих портретов на премию. Пока что иду первым, а что дальше будет, сказать трудно...»

Нестерову была присуждена Государственная премия по живописи за портрет И. П. Павлова. Это была первая из подобных премий. Она была только что введена. И награждение было высочайшим признанием роли Михаила Васильевича Нестерова в развитии нашей культуры как носителя и продолжателя ее великих реалистических традиций. Он был один из последних живых классиков Руси, пронесших высокую этическую задачу — воспевать красоту, добро, свет.

Искусство Нестерова, многогранное и сложное, требует более глубокого осмысления. До сих пор его роль как хранителя художественной отечественной школы и учителя еще вполне не оценена.

Он любил молодежь. Помогал советами. Дейнека рассказывал мне, что на открытии выставки «XV лет искусства РСФСР» в Историческом музее Нестеров подошел к нему и произнес, указывая на «Оборону Петрограда»: «Вы сказали новое слово в искусстве!»

И когда отшумел вернисаж, он попросил Дейнеку проводить его домой. Они шли пешком, говорили о гигантском размахе русской культуры, о музыке Мусоргского, поэзии Пушкина и Тютчева, прозе Толстого и Гоголя. Михаил Васильевич вдруг наизусть прочел отрывок из «Мертвых душ» — о русской тройке:

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху... Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли...»

...Много доброго сделал он для формирования таланта братьев Кориных, Кукрыниксов, Ромадина... Был строг и добр, суров и мягкосердечен. Ненавидел фальшь и ложь, любил правду, свою Отчизну. Все, кто знал его, помнят этого изумительно острого, проницательного человека, друга Толстого, Сурикова, Левитана, Шаляпина.

Нестеров — это светлый мир Руси, огромный, сложный. Он продолжил в веках заветы Рублева: действовать во имя справедливости, правды и добра. Вот слова, написанные уже во время Великой Отечественной войны: «Явились новые герои, им конца-края нет: ведь воюет вся великая земля наша, объединенная в одном собирательном слове — Москва... Впереди я вижу события не только грозные, но и светозарные, победные».

Так в нескольких строках протягивается нить длиною в шесть веков — от Куликовской битвы до Великой Отечественной, до наших дней.

Вот это самая суть гения Нестерова, великого русского классика-патриота.

Адам ШОГЕНЦУКОВ

ПРАВДА ГОР

БРАТЬЯ

Здесь плечом к плечу
стояли братья,
защищая горный перевал,
мирной жизни защищая счастье,
чтобы враг
его не растоптал.

От разрывов мин стонали горы
и дробился на куски гранит.
Крыльями взмахнув,
как черный ворон,
клювом
смерть нацелилась на них.

Выстояли.
Сбросили к подножью
гор осатаневшего врага.
И опять
чиста вершин пороша,
и цветут альпийские луга.
И стоит сосна у обелиска,
молодая,
легкая сосна,
перед ним
склонила низко-низко
голову зеленую она.
Крепкими, упругими корнями,
как горняк,
врубилась в толщу скал.
Кровь и порох —
под ее ногами,
прах погибших и осколков сталь.

И когда,
спускаясь с перевала,
горняки торопятся в забой,
каждый добрым словом поминает
тех,
кто спит давно в земле сырой.

•

Не достроил дом.
Один фундамент
в сорок первом заложил отец.
За лесами где-то,
за горами
встретил смерть он стойко,
как боец.

В сорок третьем сын его,
подросток,
дом достроил.
И ушел на фронт.
В сорок пятом
в безымянной роще
был он пулей вражеской сражен.
Ну, а дом стоит,
сияют окна.
Он заполнен гомоном детей.
Не жалея горла,
сладким соком
поливает ночи соловей.

Голубеет над горами небо.
Утро тихо тронуло карниз.
Смерти нет.
В делах — людей бессмертье.
Дом стоит —
бессмертья обелиск.

•

В мире —
все вместе.
Умолкнет скворец —
ласточка с вестью
летит, как гонец.

В мире —
все рядом.
Пожухнут луга —
озими радость
пробьется в полях.

Жизнь —
это море.
Не отделить
радость от горя.
Вместе их пить.

Тьма вперемежку
со светом —
в глазах.
Утро и вечер —
вечности шаг.
Верю —
в начало.
Не верю —
в конец.
Судьбы венчает
жизни венец.

•

Горы молчаливы,
если ветер
их вершин не потревожит сон.
Кучевые облака,
как дети,
к ним приходят утром на поклон.

Но порой достаточно и слова,
чтобы вызвать гибельный обвал.
Правда гор,
как камнепад, сурова —
перед ней
пасует и металл.

Только воли
ледоруб упорный
совладает с крепостью снегов.
И с трудом
уста откроют горы,
стряхивая глыбы ледников...
Напрягай же волю, гордый путник,
сохраняй ее всегда в пути.
Горы —
это труд, и пот, и муки.
А вершина —
вечно впереди.

ГОРНЯК

Под землей, под толщей складок
скальных,
он надежен, как забоя крепь.
Речь его весома,
точно камень,
насыщает душу,
словно хлеб.

Смену сдав,
отмыв лицо и руки,
распахнув рубаху на груди,
он спешит туда,
где на излуке
между скал седой Баксан гудит.

За рекой расцвел садами город,
есть там дом — на улице одной,
в окнах — солнце,
а над крышей — горы,
яблонь шелест —
за глухой стеной.

Он спешит,
весны не замечая,
что повсюду пролила свой свет.
Ранние тюльпаны отцветают,
диких яблонь
облетает цвет.
Вот и дом,
что сердце лаской лечит,
радость в нем — и вечная весна...
И она идет ему навстречу.
«Добрый вечер»,—
говорит она.

•

Молодость не совместить
с печалью —
у нее улыбка на устах.
Светом жизни
молодость венчает
каждый вдох свой,
каждый взгляд и шаг.
Осыпает ветер пылью снежной
головы и плечи тех парней,
что идут домой,
окончив смену,
по пушистой
снежной целине.

За спиной —
рудник и проходная.
В низком небе солнце —
как желток,
На губах потрескавшихся тает
торопливо слепленный снежок.

Жизнь пьянит неконченной
работой.
И по ней
они равняют шаг.
Потому что под землей —
в забое —
целый мир
лежит на их плечах.

Перевел с кабардинского
А. ГОРЮШКИН.

МАЙ

Жизнь начата
Как бы внезапно,
Как сил и мужества
Разведка.
Все из вчера
Стремится в завтра
Путем бодрящего расцвета.

Как разум
Сердце озаряет
Тревогой,
Болью, дерзновеньем,
Так неподвижности не знает
Способный к росту и цветенью...

И для добра
С упорством мая
Трудись, сметая зло застоя,
Суть мирозданья утверждая
Непобедимой красотою,
Будь в поиске высоких истин,
Как подвиг, чист и бескорыстен.

Перевел с кабардинского
Б. ДУБРОВИН.

Здравствуй, дорогая редакция!

Уже который раз я перечитала статью Г. Куликовской «А человек ищет...» («Огонек» № 4 за 1980 г.). И решила написать.

Мне 21 год. Я еще молодая, хотя уже 4 года, как прозвенел мой последний звонок. За эти годы я много успела передумать и «перепробовать».

Сразу после школы, не поступив в институт, пошла работать художником, вначале было ничего, а потом... надоело. Надоело до невозможности. Стала говорить об этом матери. Она меня не понимала: «Как это не твоя работа? Не хочешь — так и скажи! Сейчас молодые сами не знают, что хотят, все ищут чего-то необыкновенного. А я вот где бы ни трудилась, мне всякая работа в радость, везде душу отдаю».

Мне было обидно от ее слов. Ведь на работе мы проводим большую часть своей жизни. И эту часть проводить кое-как, лишь бы день прошел, делать дело, от которого не получать ничего, никакого удовольствия. Какая же здесь радость? По словам матери, я лентяйка, я работать не хочу. Но меня никогда не ругали, а, наоборот, хвалили. В общем, уволилась я по собственному желанию. Приехала в Москву, поступила в строительное училище. Вначале очень нравилось, а потом вышла на работу — разочаровалась. Думала — романтика, свобода, творчество. Ан нет! Увидела совсем другое. Ну, год кое-как отработала. Увы! Ошиблась опять!

Да, я согласна с матерью: работа любая должна быть в радость. Только «любая» — в масштабе для всего человечества, все не могут заниматься одним делом. А вот для меня та работа в радость, которую я хочу делать, на которую время не жалко, чтобы даже и обедать забывать. А что трудиться нужно везде, везде нужны 8 рабочих часов в день, это я не спорю. Но разве можно всю жизнь отдавать по 8 часов не своему, нелюбимому делу, разве можно вырывать из жизни по 8 часов каждый день, проведенных безынтересно, бесцельно, впустую для тебя, а значит, и для всех других, окружающих тебя?

Ведь чтобы быть полезным, чтобы оставить после себя хоть какой-то крошечный след, нужно отдавать всю себя, всю до косточек этому любимому делу! А если оно нелюбимое?..

Конечно, можно пересилить, заставить себя, сказать «надо». Но стоит ли? Ведь тогда и смысла и цели в жизни не будет. Получится, что ты все равно будешь думать: «Скорее бы проснуться, скорей бы утро, свет...»

И действительно, зачем и почет, и уважение, и зарплата? Ведь бесцельно живешь, чужое место занимаешь. А значит, я призываю: «Если не нашел — ищи!» В любом возрасте, при любых обстоятельствах!

Желаю всем удачи и целеустремленности.

Валя К.

Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя это письмо молодого человека, едва вступившего в жизнь, мы хотим, чтобы наши читатели помогли Вале К. Проблемы выбора профессии, отношения к труду, к своему месту в жизни — понятия сложные, и молодой девушке трудно самой в них разобраться. Интересно, что думают наши читатели по поводу спора Вали с матерью? И что такое вообще романтика труда, свобода творчества, с одной стороны, и необходимый, «нудный» труд — с другой? Особенно интересно, как отнесутся к этому письму Валины сверстники и ровесники ее матери, люди, умудренные опытом, знаниями, прошедшие большую школу жизни. Ждем ваших писем, дорогие читатели.

НАДЕЖНЫЙ ЩИ

С первым заместителем министра обороны СССР, Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, Маршалом Советского Союза Виктором Георгиевичем КУЛИКОВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Новелла ИВАНОВА.

Готовясь к этой встрече, мы решили, что я возьму с собой почту «Летописи Великой Отечественной» и журналы с опубликованными фронтовыми письмами.

Интересно, а сохранились ли письма двадцатилетнего лейтенанта-танкиста Виктора Куликова, который вступил в бой в самые первые дни войны? С этого вопроса и началась наша беседа в рабочем кабинете маршала. На зеленом сукне стола для заседаний — пожелтевшие, истертые фронтовые письма, сложенные треугольником. Виктор Георгиевич с волнением перебирает их, вчитывается в адреса, написанные разными почерками.

— Очень, очень памятны мне эти треугольнички... Писали мы их, едва стихал бой, спешили обрадовать близких: «Жив, здоров, продолжаю воевать». И моя мать с тревогой и радостью ждала весточки с фронта. У нее я был единственный сын.

Оторвавшись от писем, маршал открывает второй номер «Огонька» с объявлением о «Летописи Великой Отечественной» и вслух зачитывает:

«Вступив в год 35-летия Победы, мы обращаемся к участникам минувшей войны, к их отцам, матерям, женам, детям и внукам: пришлите нам в редакцию фронтовые письма и фотографии!»

— Думаю, вы получили немало таких бесценных документов! Их хранят по сей день, как реликвии, особенно в тех домах, где так и не дождались своих родных и любимых.

Я рассказываю Виктору Георгиевичу, что редакцией уже получено полторы тысячи писем. Но в действительности почта «Летописи» гораздо больше — ведь многие прислали не одно, а целые пачки фронтовых писем. И «Огонек» просит товарища главнокомандующего считать участниками этого интервью ветеранов, отцов, жен, детей живых и павших воинов — словом, всех, кто откликнулся на призыв журнала.

— Охотно! — соглашается маршал Куликов.— Вы делаете хорошее и очень полезное дело, собирая свидетельства неимоверно тяжелой, суровой битвы, из которой наш народ вышел победителем. Память о войне — оружие против войны!

— Я хочу задать вам, товарищ маршал, тот самый вопрос, с которым «Огонек» обратился ко всем ветеранам. Какой из военных эпизодов остался самым памятным?

— Памятно все, буквально все! Уже тридцать пять лет миновало, а я так хорошо помню все те долгие четыре года, словно это все было совсем недавно... Особенно помнится самый первый день войны.

...10 июня 1941 года курсант Грозненского пехотного военного училища Виктор Куликов, как и многие другие, был досрочно выпущен и направлен в Киевский военный округ. В тихом пограничном городке Владимире-Волынском стояла 41-я танковая дивизия, где лейтенант Куликов начал службу помощником командира разведроты 41-го разведбатальона.

— Меня часто спрашивают: знали ли мы, молодые командиры, о том, что война стоит на пороге? — неторопливо вспоминает маршал.— Конечно, мы ощущали ее тревожное приближение. По тому, что начались досрочные выпускные экзамены. И не только на нашем, но и на первом курсе! По дороге в Киев мы увидели эшелоны с войсками Северо-Кавказского военного округа, из которых была развернута 19-я армия генерала Конева. В полном составе она шла на запад. Во Владимире-Волынском приближение военной грозы чувствовалось еще сильнее. Ведь граница проходила всего в 12 километрах от города, и ее нарушали разведчики противника, через нее пытались пробиться диверсионные группы. И потом, почти каждый день самолеты-разведчики противника летали вдоль границы или вторгались в наше воздушное пространство. Но мы, молодые командиры, смотрели на это с героическим настроем, жаждой подвига, свойственной молодежи.

22 июня на наш военный городок обрушился внезапный артиллерийский шквал. Под разрывами снарядов я домчался до казармы. Комбат поручил мне с подразделением обеспечить связь с соседней 87-й стрелковой дивизией, которую должны были поддерживать два наших танковых батальона. Три тяжелых дня провел я в 87-й дивизии и видел, как героически защищали ее части приграничную зону. Во второй половине первого дня войны они провели контратаку и отбросили полки 44-й пехотной дивизии врага на 4—6 километров, к самому Бугу, а отдельные подразделения 87-й даже форсировали его, что записано в дневнике 14-й танковой дивизии противника. 87-я дивизия, как и соседняя 124-я, на третий день войны оказалась в окружении, но 25 июня вырвалась из него и на восьмой соединилась со своими войсками. 124-я стрелковая дивизия по тылам противника шла целый месяц и также пробилась к своим.

Я с разведчиками соединился со своими во время нанесения контрудара 215-й мотострелковой дивизии нашего корпуса.

— А дальше? Как сложилась дальше ваша военная судьба?

Главнокомандующий тронул рукой седые виски, улыбнулся неожиданно молодо и озорно.

— Вот ведь какая это любопытная штука — военная судьба! Прошел всю войну, и в атаки не раз приходилось ходить, но, как ни странно, ни разу не был даже ранен! Контузии были, а ранений — ни одного. И ведь в каких жестоких боях побывал! И тогда, когда мы отходили от Чернигова на Прилуки и Валуйки, и потом, в сорок втором, во время Ржевско-Сычевской операции.

Он помолчал, уйдя в воспоминания.

— Был у меня фронтовой друг. Умница, отличный танкист Игорь Алексеюк. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, я позвал его отдохнуть в землянке. Он отмахнулся: «Лучше посплю на воздухе!» Рядом рванула шальная мина, и не стало моего друга... Многих очень хороших парней пришлось мне хоронить на тяжелой военной дороге. Она протянулась от Валуек к Ржеву, от него на Духовщину, к Витебску, Даугавпилсу, Риге, Данцигу.

Данциг — исконно польский город. Сразу после освобождения он вернул себе прежнее польское имя — Гданьск. Маршал Советского Союза Куликов — почетный гражданин этого города, и я прошу его вспомнить ту первую фронтовую встречу с Гданьском.

— Шел последний год войны. В двадцатых числах марта наша 66-я гвардейская тяжелая самоходно-артиллерийская бригада готовилась к штурму Данцига, и на подходе к городу я впервые увидел наши танки с польскими орлами на башнях. Бои за город были жестокие, приходилось штурмовать каждую улицу и каждый дом, а когда освободили город, я узнал, что вместе с нами дрались подразделения 1-й польской танковой бригады...

Фото В. Чилинина

И снова я рассказываю маршалу о почте «Летописи». Именно сейчас, когда мы отмечаем 25-летие Варшавского Договора, все, кому довелось быть свидетелем зарождения на полях битвы с фашизмом нашего боевого содружества, вспоминают о нем с особым чувством. В Магаданском аэропорту работает Вера Алексеевна Поздникова. В 1944 году 18-летняя радистка Вера участвовала в составе 53-й дивизии авиации дальнего действия в переброске через линию фронта в Словакию чехословацких добровольцев и оружия для готовившегося восстания, за что была награждена медалью «За отвагу». Участник 7-й Ленинградской партизанской бригады А. И. Гончаренко прислал фотографию руководителя группы немецких антифашистов Вильгельма Мартенса, вместе с которым он ходил в разведку в немецкие тылы. А директор средней школы в совхозе имени Жданова, Уральской области, Александр Кинанец рассказал о своем отце, которого никогда не видел. «Учитель Иван Ефремович Кинанец надел солдатскую шинель в 41-м, а в октябре 43-го года в наш дом пришла «похоронка». В ней сообщалось, что мой отец, младший лейтенант, командир пулеметного взвода из 233-й танковой бригады, проявил геройство и был убит 13 октября в бою и похоронен в селе Ленино Могилевской области. Позже я узнал, что в том же бою за село Ленино впервые вместе с советскими воинами приняла участие польская дивизия имени Костюшко, а 233-я танковая бригада, в которой воевал мой отец, поддерживала наступление польских воинов... Я был в этом селе в День Возрождения Польши — когда по традиции здесь встречаются советские и польские воины. Я стоял в музее у стенда с именами погибших в бою советских и польских воинов. На этом стенде, в девятом столбце, на девятой строчке стоит имя моего отца».

— Да, вот как они читаются в судьбах людей, страницы истории — той незабываемой битвы народа! — негромко произносит Виктор Георгиевич.— Первой иностранной воинской частью, сфор-

Т СОЦИАЛИЗМА

мированной на территории СССР и участвовавшей в боях, был отдельный чехословацкий батальон. Он родился в феврале 1942 года в городе Бузулуке в Оренбургской области. Среди личного состава батальона было 56 членов КПЧ, а командование им принял подполковник Людвик Свобода. По просьбе командира батальон направили на один из самых ответственных участков фронта, под Харьков. В боях за Соколово отличился надпоручик Отакар Ярош. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый иностранец, удостоенный самой высокой награды нашей Родины!

В мае 1943 года под Рязанью было начато формирование 1-й польской дивизии имени Костюшко. Еще в самом начале войны среди польских коммунистов, находившихся в эмиграции в СССР, возникла идея создания польского батальона, который бы сражался в составе Красной Армии против гитлеровцев. Но по согласованию с польским эмигрантским правительством в 1941 году развернулось формирование польской армии. Через год оно в основном было закончено. И в это трудное для нашей Родины время генерал Андерс по требованию «лондонского правительства» уводит ее за пределы Советского Союза.

После окончания битвы под Сталинградом Союз польских патриотов обратился к Советскому правительству с просьбой, подписанной коммунистами В. Василевской, А. Лямпе, А. Завадским, о сформировании в нашей стране польского воинского соединения.

С согласия Советского правительства формирование 1-й польской дивизии имени Костюшко началось в мае 1943 года, а в октябре она уже получила боевое крещение под Ленино.

Всего за время войны Советским Союзом в порядке интернациональной помощи были вооружены и подготовлены 19 пехотных, 5 артиллерийских и 5 авиационных дивизий, 6 пехотных и воздушно-десантных, 8 танковых и мотострелковых, 12 артиллерийских и минометных, 5 инженерно-саперных бригад и большое количество других национальных частей и подразделений. Общая численность этих формирований к концу войны достигла 555 тысяч человек. На их вооружение командование советских войск передало 16,5 тысячи орудий, свыше 1100 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 1300 самолетов и много другого оружия и боевой техники.

Созданные и обученные с помощью Советского Союза национальные формирования приняли активное участие в борьбе с фашистскими захватчиками. Соединения и части Войска Польского в едином строю с Советской Армией сражались за освобождение Белоруссии и Украины, восточных земель Польши, а также в таких крупных операциях, как Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Берлинская, Пражская. Соединения и части чехословацкого армейского корпуса вели бои за освобождение многих городов и населенных пунктов Украины и Чехословакии. Румынские войска участвовали в освобождении братских народов Венгрии и Чехословакии, а болгарские — в освобождении Югославии, Венгрии и Чехословакии.

Большой вклад в дело разгрома фашизма внесла Народно-освободительная армия Югославии. Разделенные тысячами километров, Советская Армия и НОАЮ с первого года войны сражались фактически в едином строю против общего врага и своей борьбой оказали друг другу неоценимую помощь.

Мы отдаем дань уважения ратным подвигам своих боевых друзей, которые вместе с воинами Советской Армии проливали кровь на полях сражений и внесли достойный вклад в общее дело Победы. Мы по достоинству оцениваем деятельность Национального комитета «Свободная Германия», который вел большую пропагандистскую работу как в лагерях немецких военнопленных, так и на фронте.

— Виктор Георгиевич, расскажите, пожалуйста, где вы встретили Победу?

— Война шла к концу. До Берлина оставались десятки километров.

В эти дни наша бригада наступала в составе войск 2-го Белорусского фронта, который имел задачу отсечь группу армий «Висла» и не позволить ей нанести удар по войскам, штурмовавшим Берлин.

Бои за плацдарм на Одере были особенно тяжелыми и упорными. Но на шестой день сопротивление врага удалось сломить, и войска маршала К. К. Рокоссовского устремились к Эльбе и Балтийскому морю. Наша бригада поддерживала стрелков и танкистов, которые с боями продвигались все дальше на северо-запад.

Третьего мая бригады 3-го гвардейского танкового корпуса вошли в соприкосновение с частями 2-й британской армии. Но еще раньше была у меня непредвиденная встреча с союзниками. В районе Нойеклёстера мы двигались по шоссе. Вдруг появился самолет, резко снизился и сел прямо на шоссе, перед нами. Я подошел к самолету, из него выпрыгнул английский летчик. Протянув мне карту, он показал, где стояли союзники, жестами попросил объяснить, где проходит наша линия фронта, и, улыбаясь, обнял нас: «Олл райт!»

Да, все будет в порядке: наш союз, завоеванный такой тяжелой ценой — союз на долгие годы,— так думали мы, встретившись у Висмарской бухты. Но уже через несколько недель после капитуляции Германии мы, фронтовики, ощутили, как улетучивается дружелюбие союзников.

Потсдамская конференция провозгласила программу, которая должна была обеспечить Европе мирное будущее. Но минуло всего четыре года — еще не выплакали слезы вдовы и сироты,— а наши бывшие союзники, отказавшись от соглашений о демилитаризации Германии, принялись готовить ее себе в союзники. В день Победы Уинстон Черчилль отправил в Москву такую телеграмму: «Мир восхищен мужеством советского солдата». А год спустя в Фултоне он объявляет: «Наша ненависть к коммунизму не меньше, чем ненависть Гитлера». 4 апреля 1949 года в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор, своим острием направленный против СССР и стран Восточной Европы, вставших на путь социализма.

Объединившись, натовцы заговорили с нами с «позиции силы», шантажируя нас атомными бомбами, угрозой войны и интенсивной к ней подготовкой. По инициативе США создаются блоки в районах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Границы Советского Союза и социалистических стран опоясываются американскими военными базами.

Наша страна, восстанавливавшая разрушенное войной хозяйство, развернула еще в то время борьбу за мир и мирное сосуществование.

В феврале 1954 года на Берлинской конференции министров иностранных дел четырех держав СССР выдвигает проект Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе. Его предложения отвергаются. Более того, западные страны усиливают угрозу войны, в НАТО принимают ФРГ.

В таких условиях социалистические страны не могли оставаться разъединенными. 14 мая 1955 года в Варшаве главы восьми правительств европейских социалистических государств подписали коллективный союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, и вот уже четверть века Варшавский Договор стоит на страже мира.

Таким образом, создание этого военно-политического союза братских социалистических стран представляло вынужденную меру, являлось ответным актом на усиление прямой военной угрозы со стороны блока НАТО.

— И все эти годы буржуазные ученые и политические деятели всячески извращают сущность и цели организации Варшавского Договора, историю его создания. Например, бывший генеральный секретарь НАТО П. А. Спаак написал книгу «Для чего НАТО?», в которой обосновывает необходимость для западного мира защиты от агрессивности стран Варшавского Договора. С такой же «концепцией» выступил известный «специалист по антикоммунизму», нынешний помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский.

— Что можно сказать по этому поводу? Они, как и многие антисоветчики, писали и будут писать подобное. Но факты говорят совсем о другом. Обратимся к ним.

В преамбуле Варшавского Договора говорится, что подписавшие его «миролюбивые государства Европы должны принять необходимые меры для обеспечения своей безопасности и в интересах поддержания мира в Европе». Мне хотелось бы напомнить слова Л. И. Брежнева. Он говорил: «Мы создали это содружество прежде всего для того, чтобы противостоять угрозе империализма, созданных им агрессивных военных блоков, чтобы общими силами отстоять дело социализма и мира». И слова эти не расходятся с делами. В летопись Варшавского Договора за минувшую четверть века вписаны известные всему миру важнейшие инициативы в борьбе за прекращение гонки вооружений и обеспечение европейской, а также международной безопасности.

Только за последние месяцы минувшего года и начало нового года руководители социалистических государств выступили с несколькими важными предложениями, направленными на оздоровление международной обстановки. Мы можем с гордостью сказать, что на протяжении минувших 25 лет никто из участников Варшавского Договора нигде и никогда не развязал военного конфликта! В то время как США после окончания второй мировой войны многократно использовали вооруженные силы в качестве инструмента политики.

Вот данные, опубликованные американским институтом Брукингса. США с 1946 по 1975 год 215 раз использовали свои вооруженные силы для вмешательства во внутренние дела других государств для достижения своих политических целей. Корабли ВМС США участвовали в 177 таких акциях, а ВВС наземного базирования — в 103 случаях. 19 раз США угрожали применить стратегическое оружие. Дважды — в Корее и в Индокитае — развязывались локальные войны, которые ставили мир на порог ядерного конфликта. За тридцать лет 15 государств — членов НАТО израсходовали на военные цели более двух триллионов шестисот миллиардов долларов! Сейчас темпы гонки вооружений раскручиваются с новой силой, что подтверждают решения, принятые на декабрьской сессии совета НАТО в Вашингтоне. Естественно, страны — участницы Варшавского Договора не могут не учитывать это в своей практической деятельности и вынуждены принимать соответствующие меры.

— Если судить по сообщениям американской печати, то возникает впечатление, что в США военачальники высокого ранга не находят себе покоя оттого, будто состоящие у них на вооружении ракеты могут быть уничтожены советскими еще до их запуска. Ну, естественно, просят и получают огромные ассигнования на создание неуязвимых ракет.

— Миф о «советской угрозе», как говорится, имеет уже длинную бороду. Родился он вскоре после Октябрьской революции и варьируется вот уже седьмое десятилетие. Разглагольствования о советской ядерной угрозе — один из новейших его вариантов.

Безусловно, советские ракеты обладают необходимым техническим совершенством. Это известно всему миру. Но и американские ракеты сделаны не из бумаги. При заключении Договора об ОСВ-2 количественные и качественные параметры ракетно-ядерного вооружения рассматривались всесторонне и был найден разумный паритет. Однако ратификация

этого договора президентом США отложена. Более того, его администрация навязала членам НАТО размещение на их территории ракет так называемой средней дальности. И по дальности пуска и по мощи ядерных зарядов они способны поразить крупные экономические, политические и военные объекты стран Варшавского Договора. Я уже не говорю о том, что с баз, расположенных вокруг социалистических стран, а также с подводных лодок, вооруженных ракетами, также могут быть нанесены по нашей стране многочисленные удары. Как видите, беспокойство об уязвимости ракетно-ядерной мощи США преувеличивается Пентагоном умышленно. Цель? Получить новые средства для развития стратегических вооружений и тем добиться превосходства в них над Советским Союзом. Провоцирование ракетно-ядерного состязания в мире и тем более в Европе — дело опасное и бесперспективное. Советский Союз не допустит ни нарушения нынешнего военного равновесия в Европе, ни того, чтобы с ним разговаривали с позиции силы!

Беседа с маршалом Куликовым, Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, подошла к концу. Мне осталось познакомить маршала с теми двумя письмами, которые, как нам казалось, были адресованы именно ему. «Командир стрелкового отделения Яков Григорьевич Плюснин из русской деревни Стойлово в Кировской области вместе со своими братьями Михаилом и Николаем сражался с фашистскими захватчиками. Не вернулись с войны хлеборобы братья Плюснины. Но остались мы, их дети. Все заняты мирным делом, все на трудовом фронте. Но больно щемит у нас сердце, когда слышим по телевизору слова — война, атомная бомба, ракеты. Неужели повторится то, что пережито и что должно остаться в памяти нашей как последняя война? Спасибо Леониду Ильичу Брежневу, всем, кто отстаивает дело мира и дает нам возможность жить и работать. Нет, не для войны мы содержим армию и флот, доверяем своим лучшим соотечественникам оружие! Их ждут дома, для них есть работа мирная и добрая», — это письмо подписал от имени семей погибших братьев Плюсниных муж дочери Якова Григорьевича, 37-летний работник лесокомбината Г. Микляев.

«Война — ненавистное слово. Проклятье тебе на все времена! Первым на войну ушел добровольцем мой старшенький, комсомолец Александр. Ушел и не вернулся. В сорок третьем погиб младший, Илюша. В селе все знали — нет такого дела, где бы обошлись без Ильи Жабина. Ему было 18 лет, когда он добровольцем ушел на фронт. А через год еще одна «похоронка», на третьего моего сыночка, Евсея! Он воевал с первых дней. Длинными были его фронтовые пути-дороги. Не дошел до конца, упал на землю 25 июня 1944 года. Только и осталось у меня — эти три фотокарточки и три письма, которые я посылаю. Мне, Софье Филипповне Жабиной, 87 лет. Живу я хорошо, дочери, внуки ко мне хорошо относятся. Живем в полном достатке, но дня не проходит, чтобы не вспомнились мне мои сыночки.

Как услышу по радио или по телевизору увижу, что опять готовятся толкнуть нас в войну, я не могу без слез переживать! И как мать троих погибших сыновей проклинаю всех, кто хочет новой войны, и прошу наших больших военных командиров — изо всех сил охраняйте мир!»

Виктор Георгиевич Куликов долго всматривается в лица трех братьев, что ушли на войну из алтайского села Гонохова. Александр на фотографии во фронтовом полушубке. Евсей снят в выходном костюме, а неумело повязанном галстуке. Младший, Илюша, смотрит со снимка не по годам серьезно и даже решительно.

— Сколько таких юных, смелых, беззаветно любящих нашу Родину отдали свои жизни в годы Великой Отечественной войны, — наконец прерывает молчание маршал. — Нелегко отвечать на письма матерей, к которым не вернулись с войны сыновья и дочери. Софье Филипповне, а в ее лице всем матерям я хочу ответить: вот уже 35 лет Европа, в прошлом самая неспокойная часть нашей планеты, живет без войн! Мир в Европе во многом предопределил развитие международной обстановки на всем земном шаре. Нелегко он дается! Сколько раз империалистические силы ставили свой бронированный сапог на порог дома людей доброй воли: и в годы «холодной войны» и в годы жесточайших военных операций в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в других районах земли.

Столь длительный мир достигнут благодаря миролюбивой политике Советского Союза, социалистических стран, усилиям международного коммунистического движения, а также широкого движения сторонников мира и усилиям неприсоединившихся стран.

История двадцатого века свидетельствует: империализм не мыслит существования без войн! Империалистам не по вкусу, что все большее число народов берет судьбу в свои руки, ликвидирует иностранное засилье, — это ограничивает их возможности для получения сверхприбылей, ослабляет их политическое и экономическое господство. Ради его сохранения и расширения империалисты предусматривают вмешательство в судьбу любой страны, вплоть до вооруженного вторжения. Администрация Картера объявила «жизненно важными для интересов Америки» районами, по сути дела, все части света.

Чтобы сохранить мир на земле, необходимо постоянное укрепление мощи стран социализма, разумная политика, всевозрастающее движение сторонников мира, постоянное и действенное разоблачение подлинной природы империализма, агрессивности блока НАТО, а также идеологических диверсий империалистической пропаганды.

Чтобы избавить человечество от новой военной катастрофы, Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены отвлекать немалые силы и средства на укрепление обороны. И если наш народ, народы братских стран пользуются благами мира, то это прежде всего потому, что Советский Союз вместе со своими союзниками обладает всем необходимым, чтобы дать решительный и мощный отпор любому посягательству на нашу страну, страны социалистического содружества. У нас есть что защищать, есть чем защищать, есть кому защищать.

Надежным щитом социалистических завоеваний служит Организация Варшавского Договора.

Это было очень мудрое решение — противопоставить капиталистическому военному блоку наш социалистический щит, и сегодня можно сказать, говоря об итогах минувшего двадцатипятилетия: наш оборонительный союз как в идейном, экономическом, так и в чисто военном плане достиг такого уровня, который позволяет нам дать решительный отпор любому агрессору.

КТО ИЩЕТ...

О ЛЮДЯХ БЕРЕЖЛИВЫХ

Энергетики спорили с технологами. И те и другие стояли на государственных позициях. Отличие в позициях было только в том, что энергетики призывали, укрепляя эти позиции, рисковать, а технологи идти на риск опасались: вдруг ухудшится качество продукции? Энергетики все же сумели доказать, что игра стоит свеч. Тем более речь шла о «свечах» весьма дорогих.

А дело в том, что компрессорный цех на производстве медпрепаратов потребляет примерно половину всей электроэнергии, что берет это производство. Экономия каждого киловатт-часа здесь особенно ценна. Из того и исходили энергетики. Было решено реконструировать сеть коммуникаций, подающих воздух в основной цех. Имелось в виду снять часть фильтров, а остальные модернизировать с таким расчетом, чтобы воздух поступал в установки, где идет процесс биосинтеза антибиотиков, причем он такой же чистый, как и сейчас. Пропускная же способность воздухопроводов при этом увеличилась бы, а удельный расход электроэнергии сократился бы. И основательно. Тогда технологи выдвинули контраргумент: «Вдруг оставшихся фильтров будет недостаточно?» А качеством лекарственных препаратов рисковать нельзя. Спор решило дело.

Начальник конструкторского отдела производственного объединения «Минмедпрепараты» И. В. Денскевич, конструктор Л. В. Родобольская, начальник компрессорного цеха В. Т. Щербаков, мастер этого же цеха А. Г. Сметанин, бригадир слесарей С. Т. Давыденко до мельчайших деталей разработали проект реконструкции со всеми расчетами, обсудили все имеющиеся варианты и выбрали самый оптимальный.

Тем временем главный инженер объединения Валерий Ульянович Заборонок и главный энергетик Анатолий Лукич Гладкий вместе с группой специалистов готовили производство к «операции». Ее сложность состояла в том, что подача воздуха не должна прерываться ни на минуту. Придумали и изготовили схему временного воздухопровода, а затем приступили к монтажу, предложенному новаторами. Все расчеты оправдались.

Случалось, производство медпрепаратов критиковали за то, что коллектив не использует всех возможностей режима экономии. Конечно, можно было оправдаться: предприятие далеко не новое, устарела часть оборудования, программа растет, а на прежних площадях тесно... Но в коллективе понимали, что лучшее оправдание — творческий, инженерный поиск. И не за счет мелочей (конечно, следить, чтобы не горели лишние лампочки на лестничных площадках, тоже важно: дисциплина — первая союзница экономии), а за счет главного — автоматизации производственных процессов, модернизации оборудования, реконструкции технологических систем, замены старого оборудования новым. И еще за счет совершенствования учета и контроля расходования электроэнергии, газа, пара. Минувший год был в этом отношении, можно сказать, ударным. Если счетчики показывали, что у кого-то перебор, энергетики тут же выясняли, почему. И ликвидировали утечку.

В 1979 году реконструировали систему подачи воздуха. В том же году многое сделали для автоматизации. Будущие препараты «варятся» довольно долго, и самое сложное в процессе их приготовления — поддержание технологического режима: малейшее отклонение — ущерб качеству. Прежде микробиологи периодически брали из аппаратов пробы и если требовалось, то корректировали процесс вручную. Естественно, если управление автоматизировано, то гораздо легче экономить электроэнергию и тепло. Здесь разработали и внедрили схему автоматического регулирования процесса ферментации антибиотиков. Теперь прибор начеку! А в заводскую копилку идут сэкономленные электроэнергия и тепло. В первом квартале прошлого года было сэкономлено 78 тонн условных единиц топлива, а в первом квартале нынешнего года — 117. На 87 тысяч киловатт-часов возросла экономия электроэнергии в первом квартале 1980 года по сравнению с четвертым кварталом минувшего года.

В тот день, когда я был на заводе, там принимали гостей из родственного предприятия в Новосибирске. Хорошая молва о производственном объединении «Минмедпрепараты» распространилась быстро.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Минск

Зденек ГОРЖЕНИ,
заместитель главного редактора газеты «Руде право»

ВЕСНА В ЕНИШОВИЦЕ

Тихое деревенское кладбище. Тесные ряды могил, аллея раскидистых лип, кирпичная ограда, отделяющая мир тишины от безудержного потока жизни. На каменных надгробиях — имена, даты, фотографии. Только одно безымянно. «Неизвестный красноармеец» — все, что вытесано на гладком темно-сером граните. Нет — еще дата: 1945. И пятиконечная звезда.

Неизвестный. Он лежит рядом с теми, кто родился и умер на этой земле. Как один из них. И на его могиле весной сажают цветы. И возле него останавливаются люди в скорбном молчании. И здесь загораются свечи, когда наступает день памяти мертвых. Потому что и о нем, этом солдате, оставил свой наказ нам, живущим, национальный герой Чехословакии Юлиус Фучик в бессмертном «Репортаже с петлей на шее»:

«Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Помните: не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю».

Наверное, кто-то ждет его и сейчас — солдата, над прахом которого я стою. Думаю о тысячах, нет, о десятках, сотнях тысяч матерей, не знающих, в какой безымянной могиле лежит их сын, навсегда оставшийся для нас неизвестным солдатом. Мое слово к ним. Знайте: деревня Енишовице под Яблонцем-над-Нисой помнит ваших сынов. Помнит весь наш народ весну 1945-го и тех, кто от развалин Сталинграда принес мир и свободу в сердце Европы. Знайте: они погибли не зря. Дни, которые стали в их жизни последними, были первыми в нашей новой истории.

В Енишовице, где спит безымянный солдат, сорок лет назад я ходил в школу из соседней деревни. Четыре километра туда, четыре обратно. Сегодня здешние школьники ездят на автобусе. Между деревнями пролегла сеть первоклассных дорог. Не самый значительный факт, но и он говорит о переменах за минувшие десятилетия.

Когда-то в Енишовице возникла рабочая артель «Гранит». Название имело прямое отношение к тому, чем она занималась,— добыча и обработка гранита. Но гранит — это и символ прочности, сплоченности, силы. Их и провозгласила своей целью артель, основанная коммунистами в лихую пору безработицы. Это была одна из нелегких, но испытанных форм пролетарской взаимопомощи, которая зародилась в чешском рабочем движении еще в давние времена. Ею и воспользовались коммунисты из Енишовице в период экономического кризиса тридцатых годов. Артель учила солидарности в выступлениях против капитализма, была опорой антифашистской борьбы в годы войны. Памятник на могиле неизвестного красноармейца — тоже из гранита. Памятник классовой солидарности.

Сегодня в Енишовице на всю округу славится другой кооператив, земледельческий,— «Дружба». Это настоящая фабрика зерна и мяса. Кооператив объединяет несколько соседних деревень. Сегодня в корне изменился их облик, а главное — стиль и уровень жизни сельчан. Не хочу утомлять вас цифрами, но одну приведу. С полей, которыми я ходил когда-то в енишовицкую школу, крестьяне-единоличники собирали не больше чем тонны по две зерна с гектара. Пахали на быках да лошадях. Жатки, косилки были большой редкостью. Сегодня с тех же самых полей собирают по четыре тонны с гектара. А столько тракторов и другой техники, сколько сейчас у моих земляков, не набралось бы тогда и в нескольких округах, вместе взятых. В машинном парке кооператива — «Нивы» и «Колосы», посланцы той самой страны, откуда пришел в Енишовице весной сорок пятого неизвестный красноармеец.

Недавно «Дружба» отмечала свое тридцатилетие. На торжественном собрании чествовали ветеранов, тех, кто тридцать лет назад закладывал первые камни в фундамент коллективизации. Я знал многих из них. Большинство прошло добрую школу артели «Гранит» — наполовину крестьяне, наполовину рабочие. «Исконным» земледельцем из основателей «Дружбы» был один Рихтер, отец сегодняшнего председателя. За ним потянулись в кооператив и другие крестьяне, с детства знавшие лишь свой клочок земли. На нынешнем юбилейном собрании они говорили, что ни разу за тридцать лет не пожалели о своем решении, ничто не заставило бы их вернуться к прежнему. Дух коллективизма, товарищества рабочие из артели «Гранит» передали, как эстафету, земледельцам «Дружбы».

Инженер Рихтер, молодой председатель, сказал мне, что у него целый список желающих вступить в кооператив, получить здесь работу. Разумеется, ни в Енишовице, ни окрест нет безработицы. Причины совершенно иные, показательные сегодня для всей чехословацкой деревни. В пятидесятые годы многие уходили из деревень в города, на фабрики и заводы; в известной мере это был объективный процесс: в стране бурно развивалась промышленность, деревня тоже переходила к крупнотоварному производству и освобождалась от избыточной рабочей силы. Но беспокоило то, что уходила молодежь. Старики горевали — на кого же оставить землю?!

Прошли годы, изменился сам характер крестьянского труда. Крестьянин сел за руль, стал техником, механизатором. А деревенских мальчишек не отогнать от трактора или комбайна. Техника помогла вернуть молодежь к земле. И потому «Дружба» уверенно смотрит в будущее.

Вот свидетельство человека, которого не заподозришь в симпатиях ни к кооперативам, ни к социалистической Чехословакии. Это западногерманский журналист Ганс Дитц. Его отчет о поездке к нам, разумеется, выдержан вполне в духе буржуазной прессы, но, хотел того или нет, он верно оценил новое социальное положение чехословацкого крестьянина.

«Приезжего не сможет не удивить высокий уровень сельскохозяйственных производственных кооперативов,— написал журналист из ФРГ.— Где бы вы ни побывали, в Моравии или далеко в Словакии, у вас сложится впечатление уверенности и процветания. Это касается не только самого производства, но и того, что оно дает кооперированным крестьянам. Впрочем, сказать «крестьяне» будет уже не совсем точно. Это образованные, квалифицированные рабочие и служащие. Мне откровенно признавались, что в период коллективизации были осложнения, но так же ясно говорили и о том, что лишь изредка кто-либо реализует свое право выйти из кооператива».

Недавно в Пражском Граде состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором обсуждались широкие возможности дальнейшего социального развития нашей страны. Пленум подчеркнул, что Чехословакия на пороге восьмидесятых — всесторонне развитое государство с мощным экономическим и духовным потенциалом. Для него характерны динамичный общественный прогресс, прочное единство партии и народа, крепкая дружба и сплоченность с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Думаю, эти слова глубоко отражают перемены, которые претерпела за тридцать лет и деревня Енишовице и вся страна. В ЧССР ежегодно приезжают 16—18 миллионов туристов — почти столько же составляет ее население.

Отношение к сегодняшней Чехословакии, однако, зависит не только от объективности ее гостей. Это предмет, непосредственно касающийся идеологической борьбы, в чем мы, чехи и словаки, не раз могли убедиться, особенно в последнее десятилетие. Вам, гражданам первой страны реального социализма, не надо напоминать, что наш строй не для всех служит примером и объектом симпатий.

Наши идейные противники были бы рады представить сегодняшнюю Чехословакию «холодной», «бесцветной», «печальной», где люди «не умеют смеяться», где царит «мрачное настроение», «серость», «апатия» и т. д. Поверить им, так единственно достойными представителями чехословацкого народа, стоящими внимания западных газет, окажутся отщепенцы, горстка прогоревших контрреволюционеров, сделавших предательство смыслом жизни, а клевету на свою родину — предметом выгодной торговли, источником существования.

Такой или подобный взгляд на Чехословакию хотят внушить миру те, кто никак не может забыть 1968 год, неудавшуюся попытку международного антикоммунизма отторгнуть ЧССР от семьи социалистических государств. Неоспоримые успехи Чехословакии на пути социализма, без сомнения, имеют международное значение, и наши недруги отдают себе в этом отчет. Вот почему продолжаются злобные античехословацкие кампании.

Собака лает, а караван идет дальше. Клевета не свернет нас с пути! Сегодня не 1938 год, год позорного мюнхенского сговора, когда и лондонская «Таймс» и геббельсовские бульварные листки обливали Чехословакию грязью. Сегодня год 1980-й, у ЧССР надежные друзья, которым мы верим, как самим себе. В этом основа нашего оптимизма. Перемены в жизни чехословацкого народа необратимы, они — неотрывная часть нашего настоящего и будущего.

Это светлое будущее весь наш народ неизменно связывает с братским Советским Союзом, с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР, десятилетие которого мы отметили в эти дни.

В юбилей не принято говорить о недостатках. Но друзья, я думаю, меня поймут. Мы не скрываем и не должны скрывать того, что еще мешает. Проблем хватает — они касаются качества работы, снабжения внутреннего рынка, уровня обслуживания населения. Мои сограждане не могут, например, понять, почему страна с такой развитой промышленностью из года в год сталкивается с нехваткой запасных частей почти во всех отраслях. Часто людям портит жизнь какая-нибудь мелочь, против которой не надо издавать специальных постановлений, а надо, чтобы просто каждый ответственный работник любого уровня добросовестно выполнял порученное дело. Не всегда по-хозяйски мы расходуем доверенные средства, все еще приходится вести борьбу с пережитками разного рода, с обывательством, эгоизмом, недобросовестностью. И об этом шла речь на недавнем Пленуме ЦК КПЧ. Это часть всенародного обсуждения задач нашего дальнейшего развития, которым будет посвящен XVI съезд КПЧ в следующем году.

...Когда выйдет этот номер «Огонька», весна в Чехословакии будет в разгаре. Снова распустится сирень, которой Злата Прага встречала в сорок пятом своих освободителей. Над могилой неизвестного красноармейца в Енишовице опять зазеленеют липы, и благодарные сельчане положат к гранитному надгробию букеты цветов. Да разве только в Енишовице?

Прага.

ЗЕМЛЯ В ЦВЕТУ

35 лет — эту цифру мы видели в огромных витринах магазинов и отелей Праги, у проходных и в цехах крупнейших заводов, с ней встречались на сельских улицах.

Мы видели, с каким энтузиазмом несли трудовую вахту в честь этой знаменательной даты горняки и металлурги Остравы, машиностроители Пльзеня, швейники Простеёва, коллектив первенца атомной энергетики республики под Трнавой, крестьяне-кооператоры в Южной Чехии.

Во время поездки по стране буквально на каждом предприятии встречались с яркими примерами интернационального сотрудничества, взаимной помощи, обмена достижениями народов наших стран.

Достаточно сказать, что за последние десять лет оборот в торговле между нашими странами утроился и достиг семи миллиардов рублей. Во внешней торговле Советского Союза Чехословакия занимает третье место. Одна треть внешнеторгового оборота Чехословакии приходится на Советский Союз.

...Плакаты с изображением советских воинов-освободителей — на стенах жилых домов. И цветы. Море цветов у обелисков наших чудо-богатырей — на братских кладбищах и на безымянных могилах. Мы стояли у скорбно-торжественных гранитных надгробий на кладбище советских воинов в Праге-Ольштанах — здесь похоронены сотни из тех 140 тысяч сынов и дочерей нашей Родины, что отдали свои жизни за освобождение Чехословакии.

Двадцатилетний красноармеец Саша Никитин погиб 6 мая 1945 года. Он похоронен неподалеку от могилы майора кутузовской армии Теплова. Да, земля породнила юного воина Советской Армии и храброго офицера-кутузовца, освобождавшего Европу в начале прошлого века от другой тирании!

Алексей ПАНЧЕНКО,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

КАК ВЫЛЕЧИЛСЯ ВЛАДИМИР МРАЗЕК

Начальник цеха атомных реакторов завода энергетического машиностроения комбината «Шкода» имени В. И. Ленина, коммунист Владимир Мразек строен и моложав. Его по-юношески легкую фигуру в голубом, идеально отглаженном костюме за рабочую смену можно видеть в разных концах огромного — высотой в 42 метра! — цеха строительства атомных реакторов.

Владимир Мразек подвижен, но не суетлив,— он из тех, кто не подменяет деловитость суматохой.

— Не верится, что из моих неполных шестидесяти сорок три года прожиты тут, на «Шкоде»!— смеется он.— В четырнадцать лет, еще до войны, я был мальчиком на побегушках в одном из дымных цехов старой «Шкодовки». Началась война, фашисты пришли в Чехословакию, и меня угнали в Германию. Наконец наступил светлый день освобождения. Вернулся на родину. Направили в ПТУ на «Шкоде», затем — техникум. На заводе стал коммунистом.

Энергетическому хозяйству молодой республики, приступившей к строительству социализма, требовалось много газовых турбин. Вместе с советскими специалистами, друзьями по работе Владимир в короткие сроки налаживает выпуск важнейших агрегатов.

Толкового, энергичного техника, умеющего работать с людьми, отмечают руководители завода. Ему предлагают стать начальником цеха турбин. Он соглашается. Все шло хорошо. Но неожиданно стало пошаливать сердце.

Мы беседуем с Мразеком у шахты, где проводятся испытания частей реактора на давление. Владимир говорит, а сам то и дело смотрит в другой конец цеха — там сварщики приступили к работе над корпусом четвертого реактора.

Спрашиваю у Владимира, как он решился возглавить такой крупнейший цех, по сути новое для себя дело.

Мразек улыбнулся:

— Я хотел попросить у начальства отставку по болезни, но тут-то мне и предложили новый цех. Он был еще тогда только в проекте. Вижу, дело интересное, но подумалось: а как сердце, выдержит? «Будем его лечить положительными эмоциями»,—сказали мне в парткоме.

— И что же, вылечили?

— Видно, все же было немало положительных эмоций. И, честно сказать, я пока не жалуюсь на здоровье. Скажу больше — сердце радуется, что наша Чехословакия на моих глазах стала второй после Советского Союза страной в рамках СЭВа, которая будет производить оборудование для атомных электростанций. Стены из стекла и анодированного алюминия возводили не по дням, а по часам — это было радостью! Специальное оборудование из Советского Союза поступало без задержки, и монтажники работали, не зная устали. Когда краны-великаны поползли между пролетами, мы ликовали. Потом поехали на учебу в Советский Союз, на родственные предприятия, где нас встретили как братьев. Собственные кадры электросварщиков для атомных реакторов у себя на специальных курсах подготовили — это тоже наше достижение!

Владимир увлекается, и эта часть его монолога звучит как вдохновенная ода сварщикам,— все профессии хороши, но что поделаешь, сердце начальника цеха принадлежит в первую очередь им — таким, как Йозеф Шебек и Индржих Крисман. Это люди новой для Чехословакии профессии. После ПТУ еще в течение трех с половиной лет они на специальных курсах осваивали искусство сварки частей реактора.

— Индржиха называют чародеем сварки. Он ударник социалистического труда и закончил семь специальных курсов. Но зато как сваривает! Дефектоскописты в шутку обижаются: «Ты нас оставляешь без работы».

Слушаю с интересом, но моему собеседнику кажется, что он не до конца убедил меня в высоком классе работы своего коллеги. Эпилог оды сварщикам прозвучал на самой высокой ноте:

— Недавно по случаю отправки корпуса ядерного реактора для первой венгерской атомной станции у нас побывал посол Венгерской Народной Республики и залюбовался работой Крисмана. Узнав, как много сердца и умения вложил рабочий в сооружение этого реактора, посол пригласил его погостить в Венгрии.

Мразек рассказывает о заводских делах, а я думаю о том, что в его личной судьбе отражена «ядерная программа» его родины и он вправе гордиться тем, что принимает в этом участие. Все понимают, как велико значение АЭС в топливно-энергетическом балансе страны: собственные энергоресурсы республики ограниченны, а между тем по потреблению энергии на душу населения она стоит на одном из первых мест в мире! Вот почему для Чехословакии решающее значение будет иметь осуществление долгосрочной целевой программы сотрудничества стран — членов СЭВа, которая предусматривает совместное решение топливно-энергетической проблемы.

— Запишите несколько цифр, я их знаю наизусть,— говорит Владимир. И я записываю: с 1981 по 1990 год наша атомная энергетика даст прибавку мощностей, равную суммарной мощи всех электростанций, построенных в республике до 1970 года! К 1986 году будет произведено 19 реакторов мощностью в 440 мегаватт каждый.

— Они предназначены как для наших АЭС,— добавляет Мразек,— так и для станций в Венгрии, ГДР, Польше и других странах СЭВа. Скажите, ну, разве все это не положительные эмоции?! Так что болеть мне ни в коем случае теперь нельзя — я просто не могу себе этого позволить!

...А теперь, в продолжение рассказа Владимира Мразека, мы приглашаем читателей вместе с нами отправиться из города Пльзень, где работает Владимир Мразек, в небольшой поселок Ясловске-Богунице. Здесь вот уже полтора года действует первая чехословацкая АЭС. Советские и чехословацкие специалисты в короткие сроки возвели корпуса красавицы станции в степях под словацким городом Трнавой. И за этот трудовой подвиг многие специалисты из нашей страны, которые тут работают, отмечены высокими наградами СССР и ЧССР.

В холле административного здания станции, скорее похожем на холл санатория дизайном и обилием цветов, мы обратили внимание на плакат: «26 марта 1980 года в 4.47 утра поставлен под нагрузку второй блок!» Под плакатом светятся цифры набранной мощности. Старший инженер по реакторам Йозеф Климо смотрит на них с удовлетворением: «младенец» исправно наращивает мощь, подбрасывая за сутки в энергетическую топку страны без малого по 10 тысяч киловатт! Так что уже в мае он сравняется с богатырем — первым блоком, рассказывает инженер.

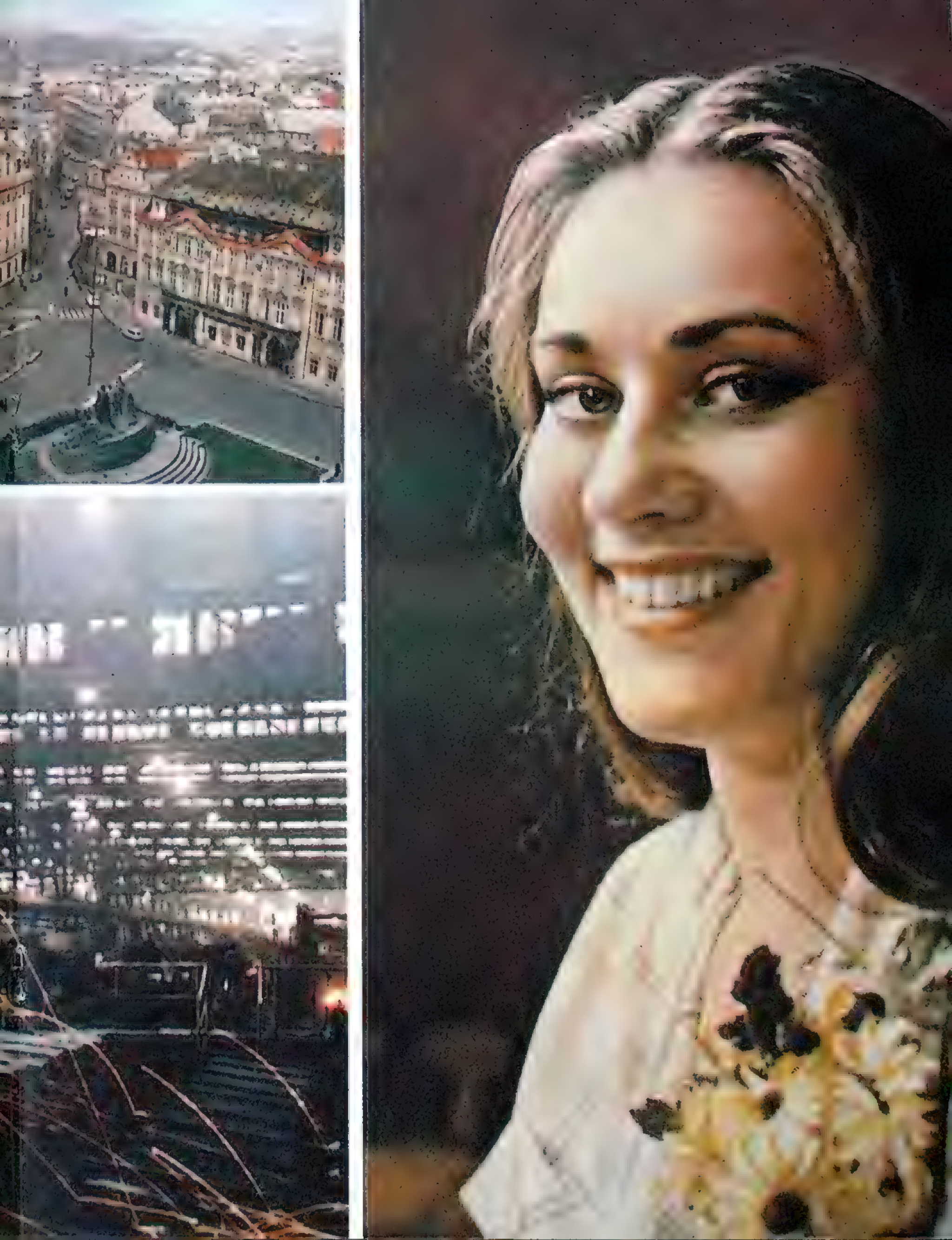
А дальше уже монтируется третий блок, за ним — четвертый. И каждый сэкономит миллионы тонн угля, что очень важно и для сбережения топлива и для охраны окружающей среды. Вопреки распространенному мнению объективные данные убеждают, что ядерная энергетика по воздействию на человека и на живую природу гораздо «чище» и безопаснее, чем энергетика на традиционных органических источниках тепла.

Нам приятно было увидеть на атомной станции в Ясловске-Богунице интернациональные бригады, где работают чехословацкие и советские специалисты: сборщики, пусконаладчики, операторы реакторов, дежурные у пультов управления. Молодые чешские и словацкие инженеры (большинству из них до тридцати) учатся у таких опытных мастеров атомной энергетики, как Артем Григорянц, Вадим Лапский, Виктор Лоскутов, Генрих Яновский.

Побывав на первенце атомной энергетики ЧССР, мы вспомнили о нашем пльзеньском друге — здесь мы тоже получили заряд положительных эмоций и рады были бы поделиться ими с Владимиром Мразеком!

У пульта управления первой АЭС республики в Ясловске-Богунице советский инженер П. Рекуц и словацкий инженер С. Пересзленый. * Очередная партия электровозов из Пльзеня готова к отправке в Советский Союз.

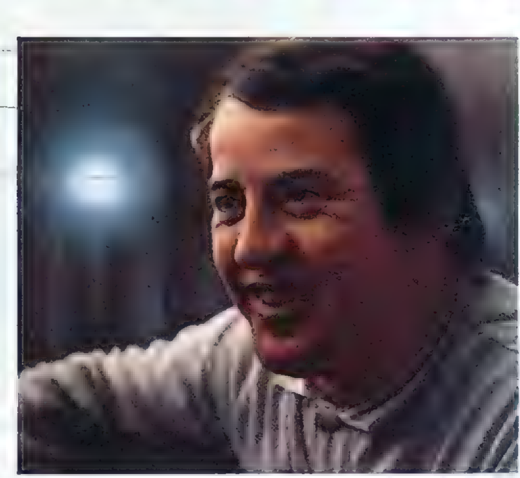
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Злата Прага. Исторический центр города. * Острава. Трубопрокатный цех металлургического комбината имени К. Готвальда. * Технолог Простеёвского швейного предприятия Ирена Пржетакова.

ОБНОВЛЕННОЕ ПОЛЕ

Глядя на шустрых несушек птицефабрики единого сельскохозяйственного кооператива села Горжепник, уточняю:

— По двести восемьдесят шесть яиц от хохлатки в год!

Председатель кооператива Антонин Сува, темноволосый, молодой — ему нет и сорока,— смеется:

— Да, по яйцу в день. Конечно, за вычетом выходных и праздников.

— Почему же таким курам не поставлен памятник из золота?

Антонин охотно поддержал шутку:

— Еще не заслужили. Пока едва тянут на «бронзу». Будут «работать» каждый день — за золотым памятником дело не станет.

Разговор шутливый, но за ним видятся дела серьезные. Птицеводство не единственная преуспевающая отрасль в кооперативе, поля и угодья которого раскинулись на плоскогорье Южной Чехии, красивейшей области всей республики.

Председатель кооператива любит и ценит красоты этой земли — здесь он родился. Он даже цитирует строки своего земляка, поэта Доната Шайнера, о необъяснимых чарах, которые заставляют влюбиться в этот край, в его людей. Когда он произносит эти строки, в нем говорит поэт. Но когда выходим в поле и Антонин Сува начинает чертыхаться: «Трудная земля!» — поэт кончается. Теперь уже говорит хозяйственник-реалист. Он вновь повторяет, видно, часто произносимые и вслух и про себя слова: «Трудная земля».

Я смотрю по сторонам. Такая благодать — леса окрест полей, хотя и раскисших по поздней весне, нежно зеленеют. Слышны серебряные высокие ноты ошалелых жаворонков... И вдруг начинаю понимать, что имел в виду мой собеседник. А где я видел такие же аккуратные горки собранных камней у окраин поля, эти россыпи булыжников на пашне и луговинах? Ну, конечно же, в Эстонии! И в Северной Белоруссии и в Верхневолжье, но там это было наследие ледников. Помнится, колхозники говорили: «Днем камни убираем, по ночам они снова вырастают». И, словно угадав мои мысли, Антонин приводит старинную крестьянскую присказку своих родных мест: «Здесь кончается хлеб, и начинаются камни».

— И все же мы берем на таких каменистых гектарах не меньше, чем в других районах страны,— в среднем по сорок центнеров зерна, по двести пятьдесят центнеров картофеля, обильные урожаи кукурузы, сена, корнеплодов,— сообщает Сува.— Все эти показатели у крестьян-единоличников были примерно вдвое ниже,— добавляет он.

— За счет чего же такие урожаи?

В ответ председатель достает из бумажника два десятка... визитных карточек. И «секрет» раскрывается. Доктора, кандидаты наук — агробиологи, животноводы, инженеры, агрохимики, мелиораторы — оставили в кооперативе свои визитки не просто так, «на всякий случай». Они тут работают! Ученые различных институтов и станций — желанные гости на полях и фермах кооператива села Горжепник. Прочна и обратная связь.

В последние месяцы забот у Сувы заметно прибавилось: он возглавил правление районного межхозяйственного животноводческого объединения — в нем 28 единых кооперативов. Коллеги доверили руководство новым сложным организмом одному из самых молодых председателей в районе.

И еще «секрет» — аккуратные штабеля превосходных компостов. Высокая плотность животноводства — только коров 1,2 головы на гектар при средних надоях в 3 с половиной тонны! — позволяет кооперативу хорошо заправлять поля органикой.

Над дальними полями пролетел самолет, оставляя голубовато-белесый шлейф. Силуэт самолета показался мне очень знакомым. Сува, загадочно улыбнувшись, предложил проехать туда, где приземлился самолет.

Упрямая «Шкода» едва пробилась к нему по грунтовой полевой дороге. У самолета кипела работа, слышалась чешская и русская речь. Главный агроном кооператива, богатырь Франтишек Симандл деловито руководил погрузкой удобрений, уточнял с пилотами маршруты.

— Вот, считайте, и еще один наш «секрет» высоких урожаев,— объясняет Антонин Сува. Он как к добрым старым знакомым обращается к пилоту Николаю Сергеенко, авиатехнику Валерию Лимарову, командиру звена Анатолию Разумному: — Спасибо, друзья!

Летчики прибыли сюда из Советского Союза для проведения важной и неотложной работы — подкормки зерновых: из-за запоздалой весны, раскисших полей хозяйства Южной Чехии и Моравии не смогли в полной мере использовать для этого наземные средства.

...Спустя несколько дней в здешних газетах мы прочитали, что советские авиаторы подкормят в ЧССР нынешней весной четыреста тысяч гектаров посевов.

ТРАДИЦИИ, МОДА, КАЧЕСТВО

— Ох, и глаза у тебя! Острее, чем у автоинспектора,— недовольно ворчит молоденькая швея, от которой в ОТК поступило, казалось бы, безукоризненно сшитое модное дамское пальто. А контролера Марту Фрицову едким замечанием не обескуражишь: у швейного предприятия из Простеёва высокая репутация и в своей стране и на внешнем рынке, так что обиду молодой мастерицы можно снести. Спокойным, ровным голосом Марта объясняет ошибку, показывает на едва уловимый дефект в изделии.

Я наблюдаю за этой сценой и думаю: «Ведь такую пустяковинку можно легко исправить!» Но не тут-то было: пальто,— ах, какой покрой и расцветка! — нещадно бракуется.

— Конечно же,— говорит мне Марта, миловидная блондинка (и откуда в ней столько строгости?),— маленькая косметика ему необходима. Только после нее пальто попадет в один из наших магазинов. Увы, понимаем, что фактически изделие безукоризненно, но морально... нет! Вот почему процент рекламаций у нас ничтожен,— их почти не бывает.

И это при огромном объеме производства: Простеёв с филиалами — крупнейшее швейное предприятие Европы и крупнейший экспортер готовой мужской, женской и детской одежды. Здешнюю продукцию высоко оценили в двадцати с лишним странах мира, в том числе в ФРГ, Англии, Голландии, Франции, США, Швеции, Финляндии, Кувейте и других.

— Советский Союз,— сказал в беседе с нами заведующий отделом рекламы завода Вацлав Скричка,— наш самый надежный партнер. Почти половина наших изделий поступает в советские магазины.

В честь 35-летия освобождения страны девятитысячный коллектив дал слово — значительно превысить план поставок одежды в СССР. Особенное внимание при этом уделено специальным олимпийским моделям, главным образом молодежным.

Вот уже 15 лет предприятие в Простеёве сотрудничает с ленинградским швейным объединением «Большевичка». У ленинградцев простеёвцы позаимствовали идею трех ступеней в борьбе за качество.

В цехах мы обратили внимание на лозунги: «Не продолжай работу, которая плохо начата», «Я гарантирую качество», «Мастер — золотые руки». «Лозунги эти мы привезли из города на Неве. Они очень активны, постоянно «работают»,— объясняет Скричка.— Добавьте к этому и эффективную систему контроля за качеством. (При этих его словах я вспомнил строгую Марту Фрицову.)

Да, здесь скрупулезно, всесторонне исследуется спрос покупателей. От заказов в 50—100 костюмов для Домов мод до трех — шести тысяч костюмов в массовой серии (такие партии считаются экономически выгодными). Психология покупателя заставляет швейников помнить, что никто не любит встретить «двойника» в одинаковом костюме. И потому костюм любого фасона (пусть даже самого удачного!) здесь выпускают не дольше трех месяцев.

И еще тут учитывают рекомендации Пражского института культуры быта и одежды. И сами художники предприятия два-три раза в год выезжают в признанные зарубежные центры законодателей мод. Простеёв ежегодно предлагает заказчикам свыше 800 моделей своих изделий, три четверти из которых принимается! При этом, как говорили нам здешние технологи, на внедрение модели в производство уходит в среднем всего лишь месяц (!), а самой сложной — до трех месяцев.

Прямо скажем, завидные сроки, и они заслуживают того, чтобы опыт Простеёва был изучен нашей легкой промышленностью.

Расставаясь, я рассказал Вацлаву и редактору многотиражки предприятия Мирославу Гурке о том, что был доволен двумя простеёвскими костюмами, купленными в московском ГУМе.

В ответ оба показали мне ярлыки на подкладке своих пиджаков:

— Мы не можем подводить свою фирму! Предпочитаем ее продукцию. Надеемся, после того, что вы у нас видели, вопрос о третьем костюме из Простеёва не за горами!

ОЛИМПИЙСКОЕ ДЕРЕВО ДРУЖБЫ

Вокруг дома-мастерской на открытой лужайке немало работ известного скульптора. Законченных и еще не завершенных. Но одна из них привлекает в последние месяцы наибольшее внимание пражан. Когда мы были в мастерской Зденека Немечека и его супруги, художницы Корнелии Немечековой, работа над этим произведением близилась к концу. Большая скульптура «Олимпийское дерево дружбы» теперь, я думаю, уже находится где-то в пути к Таллину. Символично, что мастер отправил ее в дар олимпийскому городу на Балтике в день 35-летия освобождения Чехословакии Советской Армией!

Зденек, широкоплечий, высокий, в клетчатой кофте, холщовых брюках, привычно мнет в сильных пальцах глину и рассказывает:

— Идея создать сборную скульптуру «Олимпийское дерево дружбы» пришла ко мне во время прогулки по берегу нашей Влтавы. Видите, река совсем рядом с мастерской. Спасибо речникам: они поняли и горячо поддержали мою фантазию, подарили двенадцать якорей. Я уже отчетливо представлял основание всей скульптуры, сплетение якорей-ветвей, словно вырастающих из пяти олимпийских колец, и центральный ствол, возносящий якоря-ветви на семиметровую высоту.

В созданной из необычных материалов и деталей (медь, сталь, рельсы, якоря) скульптуре нет и намека на заумную абстрактность. Она очень органична и пластична. Легко представить, как хорошо впишется «дерево дружбы» в комплекс сооружений в устье реки Пирита олимпийского Таллина. Скульптор вместе с главным архитектором Таллина уже выбрали для нее место — в шестидесяти метрах от пьедестала почета, на который будут подниматься победители Олимпийской регаты.

Нас приглашают войти в мастерскую, в дом. Новый сюрприз! Оказывается, мастер готовит в дар столице XXII Олимпиады еще одну скульптуру — трехметровую бронзовую фигуру девушки—метательницы диска с лавровой ветвью в руке.

— Я не сразу выбрал этот снаряд. Но в конце концов предпочел все же его,— рассказывает Зденек Немечек.— Ведь диск — символ легкой атлетики, которая во все времена считалась вершиной Олимпийских игр. А законченность и высокую символику фигуре спортсменки придает, на мой взгляд, лавровая ветвь в левой руке.

Скульптор уже подарил свои произведения прежним олимпийским городам — Саппоро и Мюнхену.

— Я очень жду открытия московских Олимпийских игр и уверен, что врагам международной разрядки не удастся осквернить могучее чистое течение олимпийской реки! — сказал он, прощаясь с нами.

Прага — Москва.

Строители Мемориала Победы на месте боев между Опавой и Остравой. * Густа Фучикова с последним изданием ее книги о Юлиусе Фучике. * Урожай — забота общая. Экипаж самолета советской сельскохозяйственной авиации на полях кооператива села Горжепник (второй справа — председатель кооператива Антонин Сува). * Лучший электросварщик в цехе атомных реакторов Пльзенского машиностроительного завода имени В. И. Ленина Йозеф Шебек. * Писатель Йозеф Кадлец: «Утверждать высокие идеалы — долг и призвание художника». * Последние штрихи. Скульптор Зденек Немечек готовит работу в дар столице XXII Олимпиады.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

В. ДУНАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Пора было уезжать из Праги, а я все никак не мог встретиться с этим человеком. В редакции «Записника» мне отвечали: «Товарищ Дребота в командировке». Я знал характер этих командировок и не удивлялся его отсутствию. Индржих Дребота занимался поисками советских самолетов, сбитых фашистами в годы войны в небе Чехословакии. Но все-таки мы встретились.

Комната, в которой я беседую с Индржихом, больше похожа на музей, чем на кабинет журналиста. Здесь и погнутый пропеллер, истлевшая ткань парашютов, крепежные ремни летчиков, покрытый ржавчиной пистолет, рваные куски металла, комбинезоны, карты и документы, слипшиеся от крови.

— Все это результат наших поисков,— говорит Индржих.— Вот пистолет, по номеру на рукоятке мы нашли его владельца. Герои, погибшие на нашей земле в годы войны с фашизмом, находят свои имена.

Индржих молод, крепок, энергичен. Его светлые глаза смотрят доверчиво и упрямо.

— Индржих,— спрашиваю я,— а с чего все началось?

— Мой отец сражался с фашистами в рядах чехословацкого корпуса, созданного в Советском Союзе. Он прошел от Киева до Праги. В 1970 году в мои руки случайно попали удостоверения личности угнанных в Германию советских граждан. Я попытался их разыскать, но безуспешно. Однажды в разговоре с коллегой-журналистом речь зашла о том, что наша земля хранит остатки сбитых советских самолетов. Я решил отправиться на поиски. И вот в лесу, среди бурелома, мы увидели часть двигателя штурмовика. Прошли несколько метров и в пруду нашли кусок крыла. Мертвый металл ничего не мог нам сказать. Мы стали расспрашивать всех, кто помнил воздушный бой. Так собирали по крупицам то, что хранила память людская. Главное для нас — узнать имена героев, найти их родственников и сообщить им о месте гибели близкого человека. Мы торжественно хороним останки погибших. На похороны собираются и взрослые и дети, военные и штатские, граждане нашей республики и вашей страны.

— Что же дал поиск?

— Только в Моравии мы обнаружили останки двадцати советских летчиков. В Богуславице, недалеко от Опавы, во время Остравской операции был сбит советский штурмовик. Самолет упал в болото. Его остатки мы нашли на трехметровой глубине. Сохранилось несколько вещей, в том числе орден Отечественной войны первой степени. Нашли мы и личные документы летчика.

— Сколько же человек участвует в поиске?

— У нас целый коллектив. Властимил Шильбергер — диспетчер главного вокзала в Брно. Два брата, Юрий и Антоний Давиды — рабочие Вышсковского завода. Владимир Котулан — машинист. Он прекрасно фотографически документирует материалы наших поисков. Есть и другие добровольцы.

— Самолет в воздухе не оставляет следа,— продолжает Индржих.— Но живы люди, которые видели, как дрались советские летчики. Ведь они сражались и гибли за нашу свободу. Потому и крепка память о войне. Однажды к нам пришел 75-летний старик. Он своими глазами видел, как был сбит советский самолет недалеко от села Языковице...

И вот Индржих с товарищами приехал в это село. Перед ними было поле. 35 лет здесь сеяли, собирали урожай. Никаких следов войны. И все же они нашли самолет.

— Как же вам это удалось?

— Помог Иржи Клаблена: с помощью магнитометра удалось обнаружить на поле место, где в земле остались частицы металла. Иржи работает геофизиком и охотно помогает нам.

Во время розысков Индржих встретил много прекрасных людей. В одном селе он познакомился с 65-летней пани Бенешовой. Во время войны она с мужем тайно от фашистов похоронила останки погибших советских летчиков на местном кладбище. И все эти годы ухаживает за могилой.

— Как журналист я счастлив,— говорит Индржих,— ведь я переписываюсь с десятками людей, которые доверяют мне свои сокровенные мысли. Меня волнуют письма, в которых говорится, как в Чехословакии хранят память о советских воинах. Я и мои товарищи получили этот заряд памяти от наших отцов и как эстафету передадим следующим поколениям, и так будет всегда.

Индржих и его друзья продолжают поиск.

— Мы хотим,— говорит он,—

БУДЕТ ЛИ ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН?

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

Министерство торговли СССР рассмотрело заметку «Будет ли фирменный магазин?», опубликованную в «Огоньке» № 2 за 1980 год, сообщает редакции заместитель министра торговли СССР С. Е. Саруханов. Далее он пишет о том, что выпускаемые в настоящее время промышленностью средства оргтехники как по объемам, так и по ассортименту не удовлетворяют спрос на эти изделия. Министерство торговли СССР неоднократно ставило перед Госпланом СССР, Госснабом СССР и промышленными министерствами вопрос об увеличении производства и рыночных фондов на бумажно-беловые товары, карандаши, чертежную и копировальную, масштабно-координатную бумагу, на ленту для пишущих машин, портативные пишущие машины и другие средства оргтехники. «Однако ресурсы этих изделий из года в год почти не увеличиваются при постоянном росте контингента потребителей»,— замечает заместитель министра и особо подчеркивает, что, «несмотря на требования торгующих организаций, промышленность до сих пор не освоила производство диктофонов и не приступила к их серийному выпуску». Министерство торговли СССР вновь обратилось в Министерство промышленности средств связи — как головное министерство по выпуску бытовой радиоэлектронной аппаратуры — с предложением организовать производство диктофонов для продажи населению.

Медленно решаются и вопросы, связанные с расширением производства новых средств оргтехники (разнообразные картотеки, шрифтоочиститель, современные средства письма и машинописи и т. п.) для удовлетворения спроса широкого круга потребителей.

Тов. Саруханов информирует о том, что, придавая важное значение вопросам изучения спроса населения, расширения и обновления ассортимента, а также дальнейшего улучшения обеспечения торговли канцелярскими, бумажно-беловыми и другими средствами оргтехники, МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ СССР ДАЛО УКАЗАНИЕ ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ТОРГОВЛИ МОСГОРИСПОЛКОМА ОБ ОТКРЫТИИ В МОСКВЕ КРУПНОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО МАГАЗИНА С УНИВЕРСАЛЬНЫМ АССОРТИМЕНТОМ ЭТИХ ТОВАРОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: мы с удовлетворением отмечаем, что реакция Министерства торговли СССР на выступление «Огонька» была оперативной и деловой. В своем письме Минторг СССР не обходит вопросы, поднятые в заметке «Будет ли фирменный магазин?».

Полагаем, что с вниманием будет встречено читателями сообщение о создании в Москве первого крупного специализированного магазина по продаже средств оргтехники. Надеемся, что в ближайшее время мы получим сообщение Главторга Мосгорисполкома и тогда сможем сообщить читателям, когда и где откроется такой универсальный магазин.

В письме тов. Саруханова содержится несколько вопросов, ответ на которые редакция ждет от промышленных министерств. Полагаем, что Министерство промышленности средств связи (диктофоны), Министерство химической промышленности (картотеки, лотки, «штрих», шрифтоочиститель и другие товары), Министерство целлюлозно-бумажной промышленности (копирка, корректирующая бумага, лента для пишущих машин, деловые блокноты...), Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления (портативные пишущие машинки, пюпитры к ним, фломастеры, авторучки...) сообщат читателям «Огонька», какие товары для нового, первого такого универсального магазина оргтехники готовят подведомственные им предприятия.

ПОВЕРЯЯ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ

Однажды в письме к русскому писателю И. Л. Щеглову (Леонтьеву) А. П. Чехов со свойственной ему иронией и юмором ответил на вопрос: «Что такое художественность?»

Чехов писал: «Слова «художественности» я боюсь, как купчихи боятся жупела. Когда мне говорят о художественном и антихудожественном... я теряюсь, нерешительно поддакиваю и отвечаю банальными полуистинами, которые не стоят и гроша медного. Все произведения я делю на два сорта: те, которые мне нравятся, и те, которые мне не нравятся. Другого критериума у меня нет...»

Скептически относился к эстетике и Л. Н. Толстой.

И, однако же, несмотря на позицию великих художников, наука об искусстве существует! Все-таки необходимо отличать хорошие художественные произведения от плохих. Оценка «нравится — не нравится» в серьезном критическом разговоре о произведениях искусства, конечно, не поможет отыскать истину.

В чем же заключается основа объективной, научной оценки художественного произведения? Каковы критерии? Какие из них главные, какие второстепенные? Почему некоторые художественно слабые произведения многим нравятся и, наоборот, подлинные художественные ценности порою только по прошествии многих лет обретают истинную оценку...

На эти и многие другие вопросы отвечает Б. Г. Лукьянов, автор книги «Методологические проблемы художественной критики».

Б. Г. Лукьянов. Методологические проблемы художественной критики. М., изд-во «Наука», 1980. 334 стр.

чтобы родные и близкие знали, где могилы героев, и смогли приехать сюда. Я хочу обратиться через журнал «Огонек»: пусть откликнутся те, кто знает этих людей, погибших на чехословацкой земле. Вот их имена:

Корсаков Павел Петрович, гвардии старший лейтенант. Родился в деревне Бовлены, Кольчугинского района, Владимирской области.

Рябов Николай Андрианович, гвардии младший лейтенант. Родился в деревне Вазерки, Пензенской области.

Швецов Михаил Борисович, гвардии младший лейтенант. Родился в деревне Дубровное, Мамлютского района, Северо-Казахстанской области.

Адонин Михаил Иванович, гвардии сержант. Родился в деревне Денежниково, Новоайдарского района, Ворошиловградской области.

Куренков Василий Павлович, гвардии старшина. Родился в деревне Ясашня, Ульяновской области.

Затеев Иван Николаевич, гвардии младший сержант. Родился в городе Карабаш, Челябинской области.

Юрченко Василий Кириллович, капитан. Родился в Кременчуге.

Буров Георгий Тихонович, старший сержант. Родился в деревне Перепелово, Воронежской области.

Фоменко Василий Семенович, старший сержант. Родился в Запорожье.

Прага — Москва.

Особенностью книги является именно строго научный подход к сложнейшим проблемам эстетики.

Выясняя объективную природу эстетического вкуса, закономерности суждений об искусстве, автор опирается на марксистско-ленинскую науку. Им использованы и философские работы Канта, Гегеля, Чернышевского...

Само понятие «художественность» автор трактует, опираясь на достижения советской эстетики, учитывая, что оно охватывает все стороны искусства: от концепции мира и человека до структуры конкретного образа, всей творческой художественной ткани произведения.

При этом автор книги подчеркивает, что критериев ценности много, но не все они в равной мере важны. Он называет (как курьез) работу одного английского критика, который предлагает 73 критерия для оценки произведений искусства. При этом критерий правдивости среди них стоит на 31-м месте...

Решая свою задачу, автор книги небезуспешно стремится обосновать главный вывод: «Люди, имеющие одну и ту же философию, одно и то же мировоззрение, а следовательно, исходящие из общей концепции эстетического, не только могут, но и неминуемо должны приходить в принципе к одним и тем же результатам при анализе художественных произведений».

Не все в книге одинаково удачно. Кое с чем можно было бы и поспорить. Но важно главное: перед нами работа, которая заинтересует всех, кто любит искусство.

В. БАРЫКИН,
кандидат филологических наук

МИР МОЛОДОСТИ

К 70-летию со дня рождения Расула Рзы

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Есть у Баку черта, которая мне, ленинградцу, особенно дорога; черта эта — устоявшаяся традиция рабочего города, проявляющаяся в каком-то хозяйском, домашнем, что ли, отношении к людям, садам, памятникам старины, и в неторопливой уверенности жестов, и во внутреннем спокойствии, которого обычно лишены люди, ушедшие из села, но так и не ставшие горожанами... Он красив, этот город, с его станциями метро, названными именами легендарных комиссаров, с вышками, уходящими и в море и в горы, и с башней двенадцатого века, напоминающей ракету с не отнятой еще опорой.

По-моему, от Баку до космоса ближе, чем от многих, многих других городов, да и дорога эта — сквозь неизвестное — уже проложена поэтами. Помните, как писал Н. Асеев про вселенную, где «человеческому уму дано пронзать вечность — тьму, и где все звезды наши!». Много раз от Николая Николаевича Асеева слышал я уважительно имя — Расул Рза. Речь шла об одном из крупнейших поэтов современного Востока.

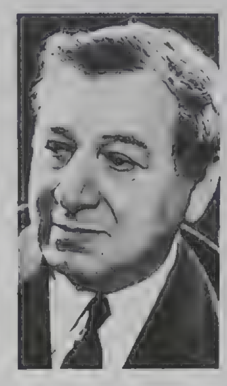
Я не хочу начинать с даты рождения и стараюсь ее забыть. Речь идет о поэте, которому удалось сохранить молодость. Это не обычные юбилейные заклинания; когда берешь в руки самые последние стихотворения блестящего азербайджанского поэта, ощущаешь то дыхание современности, то ощущение сегодняшнего дня, которое свойственно лишь юности с ее исканиями, борениями, с теми противоречиями, из которых вырастает характер человека и человеческого общества. Он молод. Он счастлив. Он силен.

«Я ничему и никогда не завидовал, ни один день, ни один миг, кроме весны и птиц, певчих и молчаливых» — это строки Расула Рзы, счастливого современника великой эпохи, кровь от крови и плоть от плоти которой он считает себя и свое творчество.

Расул Рза — национальный азербайджанский поэт.

Когда читаешь его стихотворения (а на русском языке вышло больше двенадцати его книг — «Крылья», «За солнцем», «Весна во мне» «Я — земля»), то перед глазами всегда встает Баку — даже в тех случаях, когда стихотворения посвящены другим далеким городам. Рабочая уверенность и уважение к труду и знаниям, достоинство поэта и философа, стремление не только заглянуть в будущее, но и приблизить его — все это есть в его стихах.

«Идет человек в объятия дня, что и прост и сложен. Он повстречать достойно день этот новый должен.

День — это путь, который то прям, то извилист, как все на земле пути, и человек выходит, чтобы его пройти. Идет жизнелюб, чтобы своей любовью одарить по-братски, по-отцовски, по-сыновьи...»

Эти стихи весьма точно передают то ощущение мира, которое характерно для азербайджанского поэта и для мироощущения, рожденного рабочим городом Баку.

Расул Рза — поэт, связанный с традицией поиска; его роль в азербайджанской поэзии справедливо сравнивают с ролью Владимира Маяковского для поэзии русской, Павло Тычины — для украинской, Назыма Хикмета — для турецкой и т. д. Здесь нет преувеличения. Прошло время, когда стихотворения Расула Рзы вызывали неприятие определенных кругов читателей. Он признан народом и критикой. Его имя в институтских курсах и школьных учебниках. Его стихи читаются и поются. Его переводы признаны классическими. Но «хрестоматийного глянца» на его поэзии нет. Вокруг его стихов идут споры, поиск продолжается. Но у поиска этого есть ориентиры — точные, постоянные, неизменные.

Сам Расул Рза писал в автобиографической заметке, приложенной к его книге «Я — земля»: «Часто люди, ревностно защищающие традиции, почему-то ищут их только в прошлом... Встает вопрос: разве создавать традиции — монопольное право прошлого? Почему наша действительность, которая во сто крат интереснее, богаче прошлого, не может и не должна создавать новые традиции? То же самое можно сказать о национальном колорите, о поэтическом стиле и слоге. Ведь думать, что нации все, что могли создать, создали, а средства воссоздания национального колорита давным-давно найдены и искать тут нечего, на мой взгляд, глубоко ошибочно. В нашей действительности, когда так тесно связана жизнь различных народов, когда осуществляются великие исторические замыслы в великой борьбе, вырабатываются такие черты характера, которые, будучи национальными, содержат больше элементов интернационального, чем это было раньше. И жизнь и язык народа литератор должен видеть в развитии».

Эта линия развития ощутима во всем творчестве Расула Рзы от его поэмы начала тридцатых годов «Чапей» до более поздних «Мадрид», «Абиссиния» и до произведений, написанных недавно,— «Последняя ночь» и «1418» (поэма о всех днях войны).

Нет, не на мнимую простоту, опирающуюся на готовые расхожие представления о поэзии, ориентируется Расул Рза. Философская четкость мысли, ее современное, демократическое деяние, гуманизм, как высший критерий поэтичности, народность в ее движении — черты его стиха, стиха музыкального, гибкого, звучного.

Переводчик А. Пушкина, В. Маяковского, М. Лермонтова и Т. Шевченко, драматург, эссеист, рассказчик, он занял важное место в современной культуре Азербайджана.

Наиболее значительным произведением Расула Рзы остается поэма «Ленин» — грандиозное многоплановое произведение, вобравшее в себя факты биографии Владимира Ильича, и размышления поэта, и — в этом, пожалуй, основная черта поэмы — теоретические и философские формулы, принявшие суть формул поэтических.

В долгой битве строк
я время
брал у дней грядущих
в долг;
мне
сердца свои открыли
наши поздние потомки,
чтобы голос мой негромкий
раньше срока не умолк.
Я ходил
в лаптях чугунных
по равнинам,
по долинам,
по горам материков.
Возмужал я
в долгом споре
дней бессмертных
и стихов.

(Перевод А. Тарковского)

Справедливо говоря о строгости поэтического отбора у Расула Рзы, Мариэтта Шагинян писала, что в фактах этой поэмы вы начинаете чувствовать «те средоточия мысли, те узлы, которые превращают личную жизнь Ильича в народный эпос».

...Я не хочу отвечать на вопрос: сколько лет Расулу Рзе? Я хочу ответить на вопрос — сколько лет его молодости.

А молодости его столько лет, сколько стихам, воспевшим весну революции, весну республики.

Ленинград.

БУДЕМ НЕПРЕМЕННО ЖИТЬ

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Памятники солдатам, отдавшим жизнь на этой войне,— сколько их в нашей стране и за рубежом!

Вот история двух — в городе Дрисса (ныне Верхнедвинск) и под Рожище, что на Волыни. На одном — фамилия старшего лейтенанта Аркадия Пантиелева. Другой — безымянный. Жители Рожище поставили обелиск на месте сгоревшего самолета «ИЛ-4». Оказалось, однако, что остался жив штурман — младший лейтенант Яков Пантиелев, брат того, кому поставлен памятник в Верхнедвинске.

* * *

Своего сына он назвал в честь брата, не вернувшегося с войны, Аркадием. Перебирая его письма с фронта, он каждый раз возвращается мысленно в детство, в школьные годы, когда были они вместе.

...Маленький деревянный дом в Лихоборах. Пять комнат, пять семейств, кухня общая. Отец пришел с ночной смены. Спать не лег, мастерит что-то на кухне. И мать там же, готовит обед. На керосинке стоит кастрюля большая, синяя — меньше десяти человек за стол не садились. У мамы улыбка ласковая, голос тихий, никогда не слышал он ее повышенного тона. Сердилась ли она вообще? Едва ли. На это просто не хватало времени — десять своих детей да два приемных сына.

Старшие работали, младшие учились. Аркадий и Яков ходили в одну школу. Аркадий был у брата пионервожатым.

Хотя между братьями была разница всего в четыре года, казался он Якову совсем взрослым. Есть такие, что словно рождаются старшими. До всего им дело, за все они в ответе, все трудности — это их трудности.

Был Аркадий и самый красивый в семье — высокий, голубоглазый, улыбчивый.

Вспомнил вдруг Яков и даже рассмеялся, как, уже будучи студентом, читал Аркадий у них в школе лекцию «О любви и дружбе»... Все школьные девчонки повлюблялись в лектора.

Восхищался Яков своим братом и очень хотел стать на него похожим. Может, поэтому и записал однажды в дневнике:

«С сегодняшнего дня я беру себя в руки и буду стремиться, чтобы не разбрасываться по мелочам, быть выносливым, целеустремленным...»

Еще до войны Аркадий окончил педагогический институт (исторический факультет), и его послали на комсомольскую работу. В Московском комитете ВЛКСМ, в школьном отделе, застала его война. На фронт отпускать не хотели, но он настоял на своем, ушел добровольцем.

В последний раз увиделись братья в июле сорок первого. Якова направили в Челябинское штурманское училище. Он был счастлив — ведь год назад его не взяли, ростом не вышел. «Иль на щите, иль со щитом!» — пошутил Аркадий. Худого не думалось тогда, при расставании.

По воле случая старший брат получил в армии звание старшего лейтенанта, а младший — младшего.

Потом, уже после гибели, однополчане рассказывали родным, как служил политрук Аркадий Пантиелев. Как получил он свою первую награду. Было раз, дрогнули в бою люди, растерялись — танки прямо на солдат лезли. Вместе с командиром взвода Аркадий бросился вперед, а тогда за ним пошли на врага и солдаты...

Перечитывает Яков до боли знакомые треугольники и конверты с плакатами, призывающими беспощадно бить врага. Это не описание боев, в письмах — чувства человека, который там, на войне, рядом со смертью, еще нежнее любил мать, еще острее чувствовал, как прекрасна жизнь.

«Успехи, брат, большие сейчас у нас... Тихо шумят белорусские леса. Оживает природа. Ручьи. Хорошие лунные ночи. Но экзотику, чудесную идиллию весны некогда рассматривать. Надо вначале немцев прогнать».

«Милая мамочка, драгоценная моя!

Вот только сейчас получил твое письмо. Твои письма всегда такие взволнованные, нежные, близкие и мне понятные. Люблю я тебя так, что в письме не передашь. Да, если бы были у меня крылья, то я каждый день летал бы к тебе. Но я, учти, солдат, я должен защищать Родину. Поэтому свои личные желания не всегда можно исполнить. Сама понимаешь, что я работаю, стараюсь. Как только представится возможность, приеду к тебе. Но надо иметь терпение. Скоро уже вообще конец Гитлеру. Наши войска его крепко гонят».

А вот последнее, такое жизнерадостное письмо Аркадия:

«Дорогие мои! Очень прошу, не беспокойтесь, что стал редко писать. Но сейчас очень много работы, да и притом я все время в движении. Но дела хорошие, радостные. Очень, очень скоро мы победим и тогда все соберемся. Между прочим, 4 июля (1944 год) в Москве салютовали нашей армии за освобождение одного из белорусских городов. Вы все пишите мне, а я, как буду свободен, снова напишу и буду писать часто.

Целую. Ваш Аркадий».

Больше писем от него не было. Пришло извещение: «...Пал смертью храбрых...»

...У гитлеровцев на подступах к городу Дрисса были сильно укрепленные рубежи, закопанные в землю танки, огневые точки, из которых простреливались все дороги... Было решено в тыл немцам послать танковый десант. Командиром группы автоматчиков назначили Аркадия. Танки двигались вперед, когда противник открыл по ним шквальный огонь. Автоматчики соскочили с брони, пытаясь пробиться вперед. Первым ринулся старший лейтенант Пантиелев. Всего несколько метров отделяли смельчака от позиции гитлеровцев, когда вражеская пуля настигла его. Но автоматчиков уже ничто не могло остановить — сопротивление врага было сломлено, Дрисса освобождена.

Похоронили Аркадия на центральной площади города.

О гибели брата Яков узнал, когда, окончив училище, находился в 20-м гвардейском полку авиации дальнего действия, летал на самолетах «ИЛ-4», был штурманом.

Смерть брата потрясла его. Он знал, что это может случиться в любой момент, но примириться с потерей не мог. Каждый раз, сбрасывая бомбы на скопления вражеской техники, Яков думал о брате, словно видел там внизу, где была скрытая темнотой цель, фашистские доты, на которые в день гибели вел своих солдат его брат.

Аркадий Пантиелев.

...Думал Яков о брате и когда летел на Бреслау. Отбомбившись, самолет попал под огонь зенитной артиллерии, загорелся мотор. Летчики чудом перетянули через линию фронта, и тут машина стала стремительно падать. Как их выбросило из горящего самолета, Яков не помнит. Не помнит и как был доставлен в польский госпиталь святого Яна под Люблином.

Сознание вернулось к нему только на десятый день. Выходила его, буквально вырвала из лап смерти польская монахиня, пани Мария...

Живо отзывался Яков на расспросы пани Марии, старавшейся отвлечь недвижно лежащего юношу от мрачных мыслей. Он рассказывал о семье, о брате, о себе. Как сначала мечтал стать артистом, а потом летчиком. В войну летал ночью бомбить далекие вражеские тылы. Один раз чуть не погиб весь их экипаж — четыре человека,— под Рожище, на Волыни. Самолет подбили, и он упал на картофельное поле, правда, на нашей территории. Выскочили из машины они вовремя — тут же раздался взрыв. Увидели на опушке леса добротный дом, постучались туда. И, как говорится, из огня да в полымя — прямо в руки бандеровцам. И перебили бы их, если б не удивительное солдатское счастье: при падении самолет зацепился за антенну радиостанции, стоявшей в городе воинской части. Поднятые по тревоге связисты отправились на поиски упавшего самолета — бандеровцев изловили, а летчиков доставили на аэродром. И снова полеты.

...Пройдут годы, Яков приедет в Рожище и узнает, что после войны на месте сгоревшего самолета поставили серый гранитный обелиск. «Летчикам, погибшим за наш город» — начертано на нем. «А мы тогда остались живы»,— удивится Яков. И тут же подумает: «Что ж, теперь на сером граните можно обозначить три фамилии — летчика и стрелков-радистов». Один умер недавно от старых ран. Двое погибли в самые последние дни войны...

Яков чудом остался жить: когда он лежал в польском госпитале, ни врачи, ни его сердечная сиделка не знали, удастся ли его спасти.

День Победы Пантиелев встретил там, в госпитале св. Яна. Лежал, смотрел на высокое бесконечное небо, озаренное вспышками салютов, вспоминал своих погибших друзей, брата Аркадия и горько, по-детски плакал... На пороге палаты появилась пани Мария с огромным букетом цветов. Она срезала все цветы, которые растила в оранжерее, и подарила их русскому летчику.

— Теперь прошу, пан летчик,— улыбаясь, сказала она,— надо добиться еще одной победы — начать ходить...

Но ходить Пантиелев начал не скоро. Прошло еще шесть долгих месяцев. Он впервые, наверное, понял, как это здорово — ходить по земле! Той самой, за которую погиб его брат, которую с воздуха защищал он сам. Яков видел ее черную, обугленную и решил сделать ее зеленой, цветущей. Летчик поступил в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, окончил ее и отправился работать в совхоз...

Однажды он приехал в Дриссу вместе с сыном. Побывали они на улице, которая теперь носит имя его брата, в школьном музее, где Аркадию посвящен большой стенд. Пришли на центральную площадь и долго стояли у братской могилы. Яков вспоминал, как писал ему Аркадий:

«Родной мой!

Сегодня у нас теплая погода. Приятно. Тихо кругом. Захотелось мне написать тебе несколько слов. Конечно, я бы все эти письма променял на разговор с тобой устный. Но, черт побери, боюсь, долго еще придется ждать этого! Хочется одного, чтобы ты был жив. Уж слишком опасна ваша профессия. Никому на войне столько не достается, как летчику, пехотинцу и танкисту. Но я знаю, что мы с тобой счастливые — будем непременно жить...»

Из пятерых Пантиелевых, бывших на фронте, с войны вернулись двое... Брату было двадцать пять, когда его убили. Сыну Аркадию теперь на два года больше. Он архитектор и мечтает создать когда-нибудь памятник тем, кто погиб на войне. Обелиск из гранита, и на нем слова: «Будем непременно жить».

РОМАНТИК СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Редакция обратилась к народному артисту СССР А. А. ГОНЧАРОВУ, главному режиссеру Московского академического театра имени Маяковского, с просьбой рассказать о богатейшем творческом наследии, оставленном Николаем Павловичем Охлопковым, замечательным художником нашей эпохи.

— Давайте начнем,— сказал Андрей Александрович Гончаров,— именно эпохой. Ее особенностями. Это они породили в искусстве плеяду личностей огромных, страстно утверждавших все то новое, необычное, что несла с собою революция. Не случайно ведь и самые театры, где работал Охлопков, именовались как бы соответственно его творческой программе. Сперва это был Реалистический театр, а потом театр Революции, уже позднее названный театром имени Маяковского. Здесь Охлопков двадцать пять лет возглавлял коллектив. Сегодня ему было бы восемьдесят. Он ровесник своего революционного века и его пламенный патриот. Его художник, его мыслитель.

Вот это в его творческом облике главное: способность мыслить необычно, масштабно, стремясь к крупным социальным обобщениям. Он умел творчески-образно выразить эту масштабность даже в крохотном здании Реалистического театра, находившегося на площади, которая теперь тоже носит имя Маяковского, а в ту пору называлась Садово-Триумфальной...

До сих пор не могу забыть увиденного в том театре, хорошо помню даже многие отдельные детали,— великолепного охлопковского антивоенного спектакля «Бравый солдат Швейк» с Н. П. Плотниковым в заглавной роли. Постановка производила впечатление огромное, поразительное! Да и вообще среди спектаклей тех лет все охлопковские работы неизменно представали неспокойными, непривычно страстными, бурными...

— А помните, Андрей Александрович, каким был там же, в Реалистическом, «Железный поток» по Серафимовичу? Театр-малютка; годы спустя в нем даже куклам С. В. Образцова тесно показалось. Охлопков же сумел показать м а с с у, поднявшуюся к новой жизни,— весь революционный народ. Люди-воины шли и шли по всем проходам, через зрительный зал, заполоняли собою все пространство, все площадки здания. И создавался именно [redacted] п о т о к, живой образ восстания.

— Тут, наверное, был использован Охлопковым очень ранний, почти юношеский опыт постановки революционного народного спектакля-действа на улицах и площадях Иркутска, его родного города; кстати сказать, Николаю Павловичу тогда было немногим больше двадцати лет. Он и как художник был ровесником века и всегда шел в ногу со своей страной, со всем народом... Но самое оглушительное — не найду другого слова — впечатление произвели на меня в 1935 году погодинские «Аристократы». Интереснейший спектакль был поставлен Охлопковым! Скажу, не преувеличивая, что это — одно из самых сильных театральных впечатлений за все годы моей жизни, отданной театру. Этот спектакль тогда прозвучал, словно взрыв бомбы. Не увидеть его было просто невозможно, немыслимо!.. Там многое слилось, сплавилось воедино — и мысль, именно эта созидающая, остросоциальная охлопковская мысль, и ее острое, яркое воплощение, вся ее сценическая реализация. Ведь в пьесе Погодина — а он был одним из любимейших драматургов Охлопкова, очень тесно с ним связанным на протяжении всей их жизни,— речь шла о перевоспитании преступников, работающих на Беломорско-Балтийском канале. А Николай Павлович осуществил ее как блистательный карнавальный праздник! Да это и в самом деле стало праздником театра и праздником зрителей. Правда, некоторых любителей правдоподобия на сцене постановка Охлопкова раздражала, эпатировала, приводила в негодование. Но она была великолепна, и даже вахтанговцы, поставившие потом «Аристократов», показались мне, например, бледными и неинтересными... Думаю, что слабее был и фильм «Аристократы», хотя там центральную роль играл Астангов, артист замечательный.

— Может быть, надо было Охлопкову самому сыграть в кино Костю-Капитана?

— Не думаю, не уверен. Хотя все его кинороли были блистательны: одна лучше другой. Самой же потрясающей его работой на экране считаю образ спокойного, сильного человека — рабочего Василия из фильмов «Ленин в 1918 году» и «Ленин в Октябре». Роль эту Охлопков сполна наделил своим могучим личным обаянием, представив зрителю в своем лице пролетариат как нового хозяина жизни.

Прекрасна была сцена, когда Василий — парламентер рабочего класса — встречается с Владимиром Ильичем Лениным (эту роль исполнял столь же могучий артист — Б. Щукин). Я считаю, что эти кадры — лучшие образцы советской киноклассики.

Своего рода классикой является и былинная фигура Буслаева — Охлопкова в кинофильме «Александр Невский»... И если в своей режиссуре он как художник всегда был предельно контрастен, метафоричен, то в актерских своих работах достигал редкостной правды, достоверности человеческого бытия.

— И сердечной теплоты.

— Можно согласиться и с таким определением. И здесь, пожалуй, подход к разгадке творческих секретов Охлопкова. Его режиссура всегда глобальна, резка, контрастна, как сама жизнь, но люди в этой жизни остаются людьми... Охлопков все годы ищет способы выражения этой жизни и в мировой классике.

— «Гроза», «Гамлет», «Медея»...

— Эти спектакли — каждый из них — опять-таки стали событием, определив снова и снова необычные, новаторские принципы публицистичности, социальной масштабности всей советской сцены, как и неисчерпаемые возможности ее гражданского темперамента, человеческого богатства...

И, наконец, какое поэтическое богатство, какая страсть, одухотворенность характеризуют «Молодую гвардию» в постановке Охлопкова! Он тут выступает поистине как стратег Искусства, пронизанного коммунистической идейностью, прочерчивая на долгие годы генеральную линию театрального творчества... Он был жизнелюб, оптимист и романтик. И все это выразилось в образах «Молодой гвардии», прозвучавшей не только как реквием, не только как плач народа о своих героях, но как утверждение вечного бессмертия героев, вечной их жизни в сердце народа.

— Последний вопрос, Андрей Александрович. Наследие, оставленное Охлопковым,— как осваивается и развивается оно коллективом театра, который теперь возглавляете вы?

— Мы сохраняем в наших постановках масштабность, эпичность, эмоциональность, присущие Охлопкову. Но не подражаем Охлопкову. Он был одним из тех, кто закладывал самые основы советского театра. Но при всем том своеобразие, индивидуальность, самый почерк да и весь творческий облик Николая Павловича неповторимы. Он художник, которому нельзя подражать. Ему можно — и нужно! — удивляться, радуясь, что не копирование того, что делал в искусстве театра художник Охлопков, а формирование в коллективе творческого мышления, нацеленного по-прежнему на большую социальную тему, остается, я думаю, нашей сегодняшней задачей. Ибо художник — вернемся к тому, с чего мы и начали нашу беседу,— всегда рупор своего Времени... Кстати, сейчас мы ставим в нашем театре пьесу «Высокий» по ранним произведениям Маяковского и «Клима Самгина» по Горькому.

Беседу вела Н. ТОЛЧЕНОВА.

Николай Павлович Охлопков среди участников тысячного спектакля «Аристократы»...

Юрий ФЕДОРОВ

ПОВЕСТЬ

ПОГИБЛИ В БОЮ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Разговора Семен не начинал, прежде чем не заставил Сергея обить снег с валенок, выколотить промерзшее пальтецо, рукавицы, шапку, перемотать портянки. Он и сам, с трудом, морщась, проделал то же самое. Когда Сергей стянул с него валенок, стало ясно, что с ногой плохо. Даже в неверном, мигающем свете лучины было видно, что она распухла и посинела. Семен, осторожно подавливая, ощупал колено. Перелома, насколько он понял, не было, но нога болела нестерпимо.

«Сильное растяжение, вывих,— подумал он,— так, наверное, и есть».

Туго-натуго он замотал ногу портянкой и, морщась, натянул валенок. И только после этого начал разговор.

— Как ни крути,— сказал он Сергею,— а я не боец. Если бы дня три-четыре отсидеться, может, нога и придет в норму, но у нас трех-четырех дней нет.

Сергей слушал молча. Тени метались по избе. В соломе за печкой попискивали, шуршали мыши. Ветер колотился в стену.

— Видел,— говорил Семен,— движение на шоссе — машина к машине. На железке, я думаю, еще похлестче. Немца, видно, здорово жиманули, и он прет теперь назад без остановки. Может быть, колечка боится? Не знаю.

Говоря о немцах, он скалил зубы, и на темном, задубевшем лице они выделялись жесткой белой полосой.

— Самое время мост перехватить.

Он улыбнулся криво, и видно было: зла в нем много. Оно держало его, как пружина, свернутая в тугую спираль. Он стукнул кулаком по здоровому колену:

— Как гвоздь в темя! А план будем менять по обстановке. Смотри...

Семен поправил лучину и ржавым гвоздем на земляном полу хаты стал чертить мост, подходившие к нему железнодорожные пути, укрепления охраны.

— Смотри,— еще раз сказал он, искоса глянув на Сергея.

Они склонились над желтым, высвеченным лучиной пятном.

Семен знал эти места до последнего холмика, до малейшей балочки, затерявшейся в степи.

Летом сорок второго немцы сбили часть, где он служил, с позиций у Новочеркасска и, разметав по степи, гонялись чуть ли не за каждым солдатом на танках. Это было для них, как охота на перепелов. Давили, рвали, кромсали гусеницами тела. Чудом он сам вырвался за Дон у Старочеркасска. Реку, как никогда полноводную в тот год, переплыл, уже раненный в голову и в ногу. Еле дотянул до берега. А выбравшись на песчаную косу, на карачках добрался до густого ивняка и свалился без сознания. Очнулся утром. На ветке крутилась маленькая пичуга, звенела, щелкала, косила любопытным черным глазком. Он поднялся и пошел, но фронт откатился далеко на восток, и Семен остался в тылу у немцев. Всю осень он, как волк, рыскал по балкам и буеракам. Одежда изорвалась в клочья, сапоги развалились, и он ходил, обмотав ноги подобранным в степи куском брезента. Спал он в сырых и темных ямах, намытых в обрывах, и оттого грудь раздирал постоянный кашель. С едой было совсем плохо. Питался собранной на полях кукурузой да картошкой. От постоянного недоедания перед глазами иногда плавали круги — синие, желтые, красные. Он отлеживался в бурьяне, смотрел на черное небо и похожее на подплывший кровью яичный желток солнце.

Выжил благодаря тому, что у него было поистине богатырское здоровье. До войны Семена считали в дивизии лучшим гимнастом. По утрам, на широком спортивном плацу, он закладывал на турнике такое «солнце», что все вокруг разевали рты. Но спортивный плац, турник, ровные цветники у казармы стали далеким и даже, казалось, нереальным прошлым.

Страха перед немцами у него не было. Он боялся одного — бессмысленно погибнуть в каком-нибудь овраге. Лечь с вечера в вонючую звериную нору и не проснуться. Весь смысл его жизни заключался в том, чтобы найти и убить немца. Он все время видел мчавшиеся по степи танки и людей, разбегающихся от их гусениц.

В одну из первых ночей скитания по степи он вышел к дороге, залег в кустах и, дождавшись немецкую машину, безбоязненно, с включенными фарами, катившую к Ростову, швырнул противотанковую гранату. Машина стала на дыбы...

Немецкие телефонисты тянули провод и наткнулись на него, спящего под заброшенной скирдой соломы. Избив прикладами, Семена бросили до рассвета в сарай. Но он, пролежав часа два на холодном земляном полу, очнулся, пролез на чердак и оттуда камнем упал на часового. Тот не успел крикнуть. Семен ушел в степь, а еще через три дня наткнулся на партизанский отряд.

Командиру он представил красноармейскую книжку и золотые часы, на крышке которых было выгравировано: «Красноармейцу С. И. Белых за отличную боевую подготовку. Нарком обороны. 3.III.41 г.».

Отряд бедствовал, но Семена все же обули, одели в кой-какую одежонку. С неделю он отлеживался в землянке, лечился травяными настоями и почувствовал себя вновь здоровым. Партизанский отряд был небольшой, но все же боевая единица, и это придало Семену силы. Он просился на самые дерзкие задания. И столько было в нем ненависти, что он выходил живым из безнадежных ситуаций. Последнее задание было особенно трудным. Надо было взорвать железнодорожный мост через пойму Дона, у Батайска. К нему готовились тщательно, продумав каждую деталь, и именно на этот раз, когда они уже дошли до Батайска, сделав многокилометровый крюк по степи, он вывихнул ногу. Но отказаться от выполнения задания он не мог. Семен на ходу изменил план действий.

— Понимаешь?— спросил он Сергея, водя ржавым гвоздем по набросанному на земляном полу хаты чертежу.— Помни, прыгать будешь вот здесь. Ни метра дальше. Ни метра.

Он остановил на нем темные, запавшие глаза, и были в них и понимание своей беспомощности, и надежда, и боль. Все, что говорил Семен Сергею, он бы проделал сам, но сейчас посылал на сложное, рискованное дело, которое было по плечу сильному, бывалому, находчивому и ловкому мужчине, парнишку, с угластыми лопатками на слабой, несформировавшейся спине. Такое было время, что не спрашивало: вынесешь ли ты груз, который ложится на твои плечи, выдержишь ли ты его, справишься ли с ним?

Но ни этих слов, ни похожих на них ни им, ни Сергеем сказано не было.

Сергей водил пальцем по вычерченным на полу линиям и запоминал расположение путей, укреплений охраны, выходы к железнодорожному полотну балочек и оврагов, как школьный урок.

— Ясно,— сказал он, взглянув на Семена,— все ясно.

— Ну, браток,— поднимаясь, сказал Семен,— с богом.

Хотел было добавить: может, не придется увидеться, так не поминай лихом, но задавил в себе эти слова, не желая тревожить, и только повторил еще раз древнее, как мир, что всегда говорилось на Руси:

— С богом.

И добавил, обозлясь, жестко:

— Давай, корешок, давай, мать их в душу!

Поднялся и, припадая на больную ногу, шагнул к дверям.

Ночь была темна, ветер стих, и степь стояла перед ними черным, распахнутым, безмолвным провалом.

— Иди вдоль ограды,— сказал Семен,— затем балочкой свернешь к ручью и по льду шагай до рассвета. К рассвету будешь у Батайска.

Сергей ступил в темноту, повернулся и махнул рукой.

Под срезом шапки лицо его было неразличимо.

Через час, выйдя к ручью, Сергей остановился. Глаза привыкли к темноте, и он угадывал и снежные сугробы у берега, и кустарник, тянувшийся вдоль отлогого спуска, и даже следы не то собаки, не то волка, пересекавшие заметенный поземкой ручей. Сергей вышел на лед. Здесь снег был плотнее, и идти стало легче. Он подумал: времени не больше трех ночи. Это означало: в запасе добрых четыре или даже пять часов.

Пока он шел до ручья по глубокому, вязкому снегу, вспотел, рубашка прилипла к телу, и сейчас Сергей сбавил шаг, зашагал по льдистому насту, не спеша, как человек, приготовившийся к дальней дороге. Снег скрипел под валенками, как мокрый песок, и звук этот глохнул в узкой балочке.

В избушке на краю колхозного сада Семен, глядя на Сергея, подумал: парнишку посылаю к черту в зубы, парнишку... И ошибался. Летами Сергей был молод, но по тому, что выпало на его долю пережить, был он уже не парнишкой.

Растет на заливных задонских землях пышная, высокая трава. Тянется к небу стремительно; свежо и сочно зеленеют ее стебли, разворачиваясь широким листом, и красочно, ярко распускаются ее цветы. Но стоит шагнуть человеку или пройти зверю — никнут травы, ложатся на влажную землю, и тянется за прохожим надолго остающийся след. Другое дело, когда ударят по весне поздние морозы и иней-листожор выжжет первые травы, свалит, как косой. Тогда, под солнцем, позже, уже перед летом выползет из твердой, как хрящ, земли тонкое шильце новой, только что народившейся травки. Растет она невысоко, в вершок, не более, и разворачивает лист, как узкое лезвие ножа. И хоть табун пронесется по ней, хоть топчет стадо тяжеловесных волов, следа не увидит на ней даже опытный глаз. Стоит она крепко, стебель к стеблю, и копыто не берет ее, и ветер не валит, и град не бьет.

Вот так и Сергей, как эта степная, на густой соли возросшая трава, был крепок не по годам, хлебнув в семнадцать лет горячего до слез.

Родился он в Ростове-на-Дону, и шестнадцать весен расцветали перед окнами их дома пышные акации. Сладкий запах плыл над улицей, а во дворе летом пахло пригорелым маслом, свежей жареной рыбой и пьяным, дурманящим духом закипающего варенья. Отец его работал на Ростсельмаше. Был он высок, смугл и считался лучшим рыбаком в затоне. Там, где другие не могли поймать и бычка вполпальца, таскал он розовых, золотистых сазанов с радужными плавниками. Секретов рыбацких не берег, но так уж получалось, что он вываживал на звенящей леске по-

Продолжение. См. «Огонек» № 19.

лупудовиков, а сидящий рядом лишь моргал на неподвижный поплавок. С отцова лица никогда не сходила улыбка. И мать была под стать отцу — стройная, высокая, голубоглазая, с волосами, волной лежащими на плечах. Старухи на лавчонке возле дома говорили:

— Нет на улице пары краше.

Потом пришла война. Мать погибла в одну из первых бомбежек. Отца, выданного предателем, расстреляли как коммуниста. Сергея вместе с другими парнями и девушками загнали в теплушку и, накрепко забив дверь, отправили в Германию. На первом же перегоне Сергей и еще четверо разобрали пол в вагоне.

Внизу, в полутора метрах, мелькая, проносились шпалы, с нарастающим грохотом стучали колеса, пол раскачивался и дрожал под [illegible] должен был [illegible] и броситься в [illegible]щую запахом перегоревшего в буксах масла, бьющую в лицо крошевом щебня пустоту. Все живое в нем сопротивлялось этому последнему движению, как и должно было сопротивляться, кричать, требовать, вопить — именно потому, что было живое и хотело жить. Но он разжал пальцы...

Из пятерых, выбросившихся из вагона, в живых осталось двое, остальные погибли под колесами. Один был еще жив, когда поезд прошел, но ему отхватило руку у плеча. Они попытались наложить жгут, но культя была слишком коротка. Через час парень затих.

В Ростов Сергей пришел ночью и переулками, стараясь не натолкнуться на патруль, пошагал к дому. Он знал, что дома никто не ждет, но дом все же был домом, и он спешил. Мерзлые ветви акаций, как кости, стучали над головой. Когда он вышел на свою улицу, не удержался и побежал, хотя сил не было. Вот знакомый переулок, которым ходил в школу, булочная, за ней районный клуб...

Дома не было, стояла только чудом уцелевшая передняя стена.

На следующий день, когда Сергей в сохранившемся на краю сада сарае стягивал проволокой подобранные в балке гранаты, неслышно приотворив дверь, вошел сосед по улице. Постоял минуту, сказал:

— Что ты надумал, хлопец?

Сергей вздрогнул и обернулся. И видно, так натосковалось его сердце по близкому человеку, что он бросился к этому всегда сдержанному и даже хмуроватому дядьке и, обхватив руками, заплакал.

— Ну хватит, хлопчик, хватит,— гладил тот его по голове,— хватит.

Дал ему выплакаться, он отвел Сергея домой, накормил и уложил спать. А когда Сергей проснулся, усадил к столу и сказал, водя своей большой и темной рукой по гладко выструганной крышке:

— Ты, хлопчик, один — глупостей наделаешь и погибнешь. Я сведу тебя с людьми. Дело для тебя найдется.

Тогда-то Сергей и попал в отряд. Несколько раз он ходил на задания, но его берегли. Был он среди подпольщиков самым молодым, и командир отряда — человек в возрасте — говорил, хмурясь: кому, как не ему, после войны жизнь строить. Улыбался мечтательно, твердо веря, как верили во все времена и все солдаты, что войне, которую они ведут, последняя.

К весне в отряде сложилось трудное положение. Несколько человек погибло, четверо были схвачены полицаями, и командир скрепя сердце послал Сергея в Батайск. Он, как и Семен, подумал: «Парнишка, совсем еще молод...» И долго смотрел на узкую спину Сергея, пока он не скрылся в снежной круговерти.

Сергей остановился. Небо чуть заметно посветлело. Неверный, предутренний свет заливал степь. Ветром наносило сладкий запах дыма.

«Батайск,— подумал Сергей,— или какой-нибудь хутор? Как бы не вляпаться!»

Овражек забирал вправо, и все так же ровно, нетронутой целиной, снег покрывал ручей. Сергей, переминаясь с ноги на ногу, помедлил мгновение и полез на кручу обрыва. Впереди, у горизонта, в морозном предутреннем безветрии были видны поднимающиеся столбом дымы.

«Батайск,— решил он,— значит, я шел быстрее, чем рассчитывал».

Он спустился к ручью и прошел еще километра два-три, внимательно приглядываясь к снежным заметям по берегам ручья.

На одном из поворотов овражка он остановился у высокого сугроба. Разбросал валенками. Под снегом открылась куча плавника.

По весне ручей нанес сюда хворост, обломки досок, стебли камыша и сбил в кучу. Сергей долго разгребал снег, отбрасывая на лед палки потолще. Затем связал веревкой и, взвалив на плечи, пошел к Батайску. Под грузом вязанки он почувствовал, что третий день в степи, почти не спал все это время, ел плохо. Но только повыше подбросил вязанку и упрямо зашагал к встающим у горизонта дымам. Снег играл, искрился под ногами, вспыхивал морозной пылью.

В доме Акимыча в это утро проснулись рано. Чутким стариковским ухом Акимыч, задолго до рассвета, услышал, как зашептались, завозились в горнице его гости. Слов он не разобрал да и не старался разбирать, подумал только: ишь, синицы, верещат, заботит их что-то, больно рано проснулись. Девки по утрам крепко спят.

Рядом хрипло дышала открытым ртом, постанывала старуха.

Акимыч с печи не слез, а отбросил давившее на грудь толстое одеяло и, чувствуя, что от пахнувшего свежего воздуха дышать стало легче, поправил подушку и опять лег.

Плитки тола, увиденные в узлах, не шли у него из головы.

Акимыч прожил в Батайске всю жизнь. В голодные годы отец его пришел на эту благодатную, богатую землю с Орловщины да так и остался. Поразила она его своей щедростью. Белоголовым пацаном Акимыч бегал с хлопцами по пыльным, мягким степным шляхам к Дону, ходил в ночное подпаском, женился и работал на железной дороге кочегаром. Обладал он в молодости недюжинной силой. Без труда, еще юношей, до двенадцати раз мог перекреститься двухпудовой гирей. Последние годы перед войной Акимыч был сторожем на станции и жил в мазаном домике, слепленном еще отцом. Домик когда-то стоял на краю поселка, но потом его окружили другие дома, и оказался он чуть ли не в центре Батайска. Детей у них не было.

— Бог не дал,— жалуясь, говорила старуха, но Акимыч знал, что ела ее смолоду злая женская болезнь, и оттого-то и не было ребенка. В городе Акимычу знаком был каждый, глаз у него был приметливый.

В первые дни, когда пришли немцы, Акимыч все еще работал на станции, но потом его прогнал толстый, краснолицый немец, поселившийся в квартире начальника железнодорожного участка.

Акимыч, как обычно, к десяти часам вечера пришагал на перрон и сел у колокола. Немец вышел из вокзала и сказал:

— Weg! Weg! Geh raus! Вон, вон... уходи!..

Прогнал он его и на следующий день, и Акимыч понял: служба кончилась.

Он вернулся домой, снял тулуп, который всегда брал на ночь, сел у окна и хотел было смести крошки со скобленной ножом крышки стола, но пальцы вдруг задрожали, и рука бессильно опустилась.

Старуха взглянула на него и ушла за печь, засморкалась в передник.

А еще через несколько дней Акимыч вновь услышал это слово:

— Weg! Weg!

Трое немецких солдат в сапогах с короткими голенищами, в обдерганных, кургузых мундирчиках ходили по дворам, сгоняли жителей на площадь у станции. Выгнали они со двора и Акимыча. И, посмеиваясь своему, громко переговариваясь, шли сзади, топали крепкими подошвами.

На площади у вокзала стояла свежеструганая, блестевшая по низу смолистым ошкурьем виселица.

Народу немцы согнали человек сто: женщин, хлопцев лет по десять — двенадцать, стариков. Люди стояли хмуро. Голосов не было слышно. Из вокзала по разбитым ступеням вывели двоих со связанными за спиной руками. Были эти двое — молодой, с пшеничными волосами секретарь комсомольской организации железнодорожного участка и начальник вокзала, зрелый мужчина, с крепкими широкими плечами, плотной казачьей фигурой, отец большой, многодетной семьи. Младший из его сыновей был знаком каждому стоящему на площади, так как по утрам выступал по городскому радио в «Пионерской перекличке».

— Голосистый сын у Прокофьевича,— говорили о нем,— ох, голосистый, аж звенит!

От ступеней вокзала, алевших битым кирпичом, до белой, свежей костью торчавшей виселицы молча гребли эти двое по пыли босыми ногами мимо замерших баб и хлопцев. От Акимыча они прошли в шаге, и чуть впереди идущий Прокофьевич даже коснулся полой черной форменной куртки. На скуле у Прокофьевича ходил тугой желвак, словно жевал он жесткое и никак не мог прожевать. Глаз не было видно.

Все дальнейшее сделано было быстро, словно привычная, хорошо отлаженная работа.

Темнолицый немец в высокой фуражке поднялся на принесенную с вокзала массивную, крашенную в веселый зеленый цвет скамью и что-то резко прокричал в толпу. Солдаты поставили связанных людей на табуретки, накинули петли и сразу же вырвали табуретки из-под ног. Тела ринулись вниз. Толпа ахнула, качнулась к бьющимся на веревках, но солдаты подняли автоматы, и люди, отшатнувшись, бросились в стороны. Разноголосый крик поднялся над площадью.

Акимыч стоял молча и неподвижно. Случившееся на его глазах казалось ему привидевшимся в страшном сне. Комсомольский секретарь, парнишка, хлопчик, которого он недавно водил за руку и еще помнил тепло его чумазой, перепачканной липким вишневым соком ладони, бился в петле. Он то подтягивал ноги к подбородку, то выпрямлялся струной, кружился, раскачивая виселицу, плохо вкопанную в твердую, тысячами ног утрамбованную землю. И голова его, как надломанный бутон, тяжелей и тяжелей свисала на грудь. Всем естеством здорового мужчины, долгие годы мечтавшего о ребенке, но так и не принявшего его на руки из-за несчастья с женой, Акимыч не хотел, не мог ни понять, ни принять эту смерть. В нем все кричало: как, почему, для чего убили этого светловолосого парня?

Акимыч ушел с площади последним. Шел, как слепой, и не было в нем ни слов, ни мыслей, а только никогда не испытываемая пустота.

Вечером, сидя на лавке у печи, он трижды глухо повторил на разные лады:

— Вэк, вэк, вэк...

Старуха со страхом взглянула на него. Акимыч поднял голову, сказал:

— Слово это поганое они выдумали, чтоб согнать нас с нашей земли.

Что-то тяжелое, как мельничный жернов, повернулось у него в груди. Трудно, со скрипом, с болью — и он увидел все разом: и немца с пустыми, белесыми глазами, что прогнал его с вокзала; суровую, не прощающую ничего хмурость на лицах приговоренных к смерти односельчан; свою старуху, сморкающуюся в передник; женские лица перед виселицей на площади... И понял: не жить больше, как жили, не думать, как думали, и не говорить, как говорили... И вдруг страшно стало ему, как бывает страшно только в детстве.

С той поры он не замечал немцев. Если встречал солдата, то, не поднимая глаз, проходил мимо. И даже, когда два пьяных обозника пришли к нему во двор и взяли поросенка, он, казалось, не увидел их. Солдаты, не таясь, волокли полугодовалого подсвинка по разбросанной соломе. Старуха кинулась с крыльца, но Акимыч повернул к ней лицо, и видно было на нем такое, что она молча села на ступени. Незрячими глазами Акимыч взглянул на солдат и ушел в курень. Поросячий крик стих у плетня. Акимыч не сказал ни слова. Промолчал, как и вообще, после увиденного на площади, больше молчал, только смотрел странно неподвижными, потускневшими, вылинявшими глазами.

О немцах он говорил теперь «эти», не называя их никак иначе.

Девушки в горнице зашумели громче.

Акимыч, нащупав ногой приступок, слез с печи и, проскрипев по половицам, прошел к лавке. Сел, натянув поверх штанин серые, толстые, вязанные старухой из овечьей шерсти носки, нашарил чирики под лавкой и вышел во двор.

Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, и глубокие синие тени лежали вдоль куреня, у сарая, у заметенного снегом плетня. Подстывший на снегу тонкий ледок с хрустом лопался под ногами. От сарая наносило стылым запахом навоза. Из открытых его дверей вылетела взлохмаченная сорока, села на беспризорно брошенное долбленное из тополя корыто, застрекотала голодно.

Разоренно, неприютно было на базу.

Достав из-под крыльца топор и пообтоптав снежок у торчавшего тут же тяжелого, изрубленного чурбана, Акимыч выбрал из укладки несколько полен потолще и, легко ударяя, начал колоть лучину. Промерзшее дерево лопалось под острым лезвием со звоном. Лучина веером ложилась у чурбана.

Скрипнула дверь в сенях, и на крыльцо вышли девушки.

— Здравствуйте, диду,— сказала Галя. В руке она держала кружку. Акимыч глянул на нее из-под кустистых бровей, буркнул со сна хрипло:

— Воду черпни в ведре, у колодца.

Склонился, подбирая лучину. Хватал вместе со снегом плохо гнущимися пальцами. Набрал целую охапку. Поднялся. Девушки сливали друг другу на руки. Акимыч шагнул в курень.

Старуха возилась за печью, гремела горшками. Акимыч сказал:

— Разжарь картошку на лучинках. Быстрей будет. Сальца подкинь.

На крыльце застучали шаги. Когда девушки вошли в курень, старик кивнул на стол.

— Сидайте. Поснедаем чем бог послал.

Сел первым.

Лучина жарко трещала в печи, озаряя курень теплым текучим светом.

Старуха подала сковороду.

Девушки ели торопливо, как люди, которые давно не ели досыта, и стеснялись этой поспешности, но, не в силах удержаться, все тянулись и тянулись к поджаристой картошке.

Настя подняла глаза на Акимыча и, перехватив внимательный взгляд, отложила вилку.

— Ешь, ешь, дочка,—сказал Акимыч и встал.

Старуха неподвижно стояла у печи, перебирая кривыми пальцами край застиранной занавески.

— Дедушка,— спросила Настя,— вы не поможете продукты выменять?

И по тому, как ели мороженую картошку его неожиданные гости, и по тону, каким высказала просьбу Настя, Акимыч понял: продукты эти нужны для какого-то дела, и, подумав так, ответил коротко:

— Помогу.

Старуха, по-прежнему стоя у печи, молчала. Серое лицо ее было неподвижно.

Поднявшись из-за стола, Настя засобиралась. Надела толстый, неуклюжий жакет, замотала до глаз голову черным платком. Шагнула к дверям.

Акимыч видел в забранное морозом оконце, как прошагала она по двору к калитке, оставляя на снегу ровную стежку следов.

Засобирался и Акимыч и, ловя пальцами непослушные крючки полушубка, сказал Гале:

— Пойдем, дочка.

— Ишо по дворам не ходил,— начала было старуха,— за побирушками... На старости лет...

— Цыц, старая,— резко повернулся Акимыч,— не разумеешь, молчи.

Сбил брови к переносью и, нахмурившись, взялся за обросшую инеем ручку дверей.

Сергей вошел в Батайск, когда солнце едва поднялось над крышами домов. Всходило оно, окруженное багровым кругом, означавшим, что к вечеру ударит сильный мороз. Но Сергей, городской житель, не знал такой приметы да и не думал об этом.

Воротник и шапка у него заиндевели на ветру от дыхания, и он остановился в затишке у плетня, снял шапку, обил о валенок, стер наледь с воротника, огляделся. Улица была пустынна.

На всем пути до привокзальной площади он встретил трех-четырех человек. Но, выйдя на площадь, сразу увидел десятки машин и множество людей. Грузовики стояли один к одному, и хвост колонны терялся в улицах, уходящих за линию железной дороги. Беспорядочным стадом машины обтекали полуразрушенное вокзальное здание, с торчащими наверху обгорелыми балками, сломав заборы, жались к домам, теснились у виадука, лестница которого обрывалась нелепо изогнутыми балками.

Между машинами на площади горели костры, и солдаты толпились вокруг чадных огней. Пестрые шинели, различного покроя фуражки и шапки говорили, что стеклись сюда из морозной, продутой жестоким ветром степи и румынские, и венгерские, и немецкие части. Уткнулись в последний вокзал перед мостом через пойму Дона и крутятся на клочке земли, ожидая посадки в эшелоны. И не надо было обладать особо острым зрением, чтобы в этой толпе разглядеть и выделить те приметы, которые отличают войска отступающие от тех, кто побеждает. И первое и самое яркое, что бросалось в глаза,— голоса и лица. Разноязыкие возгласы беспорядочно сбившихся вокруг костров людей сливались в монотонный, угрюмый, тревожный вой, а лица маячили, как унылые пятна, лишенные индивидуальных красок и черт. И все это месиво машин и людей, чувствовалось, уже не подчинено и не управляется единой волей и единым началом.

От стоящей неподалеку солдатской кухни на Сергея пахнуло дымком сгоревшего масла, и он задохнулся простуженными легкими от тошнотного, угарного запаха. Спазма сжала горло. Сергей перехватил вязанку и, задавив рвавшийся из груди кашель, вытер рот рукавицей.

«Колéчка, может, боятся,— вспомнил Сергей сквозь зубы сказанное Семеном и подумал:— Так оно, наверное, и есть...» Слишком уж горласто, задерганно, беспокойно гудело, двигалось, копошилось на затоптанном, грязном, перемешанном с гарью снегу скопище машин, орудий с задранными к небу стволами, солдатских кухонь и людей.

— О...о...о...— кинулся к нему от одного из костров немец в черном комбинезоне танкиста. Перепачканной в саже рукой схватился за вязанку.

— Комендант,— твердо сказал Сергей и показал на здание вокзала,— это для коменданта.

Повторил:

— Комендант.

Настойчиво потянул вязанку к себе и, не оборачиваясь, пошагал через площадь.

Окончание следует.

М. Нестеров. ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ. 1889-90.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ Е. П. НЕСТЕРОВОЙ. 1905

ПОКОЛЕНИЯ НЕРАСТОРЖИМЫ

Ю. ТЮРИН

Не раз наши художники, в их числе и кинамастера, обращались к материалу революции, выявляя истоки поистине гигантской социальной энергии, что в исторически короткий срок привела к образованию новой государственности, новой морали, новому типу человеческих отношений.

Историко-революционный кинематограф — труд нескольких поколений художников. Сначала это участники и современники революции, потом те, кто застал революцию детьми. Сейчас кинематограф творят мастера, воспитанные на классических фильмах советского кино. Владимир Краснопольский и Валерий Усков — режиссеры этой формации. На экранах идет их новая историко-революционная кинодилогия «Отец и сын». Картина серьезная, правдивая, суровая, сделана в традициях психологического реализма нашей киноклассики. Эту особенность фильма следует сразу подчеркнуть.

За последнее десятилетие историко-революционная тема порою решалась поверхностно, облегченно. Интерес кинематографистов переключился с характеров человеческих на интригу, на создание зрелища особого сорта, где гремят выстрелы, демонстрируют свои трюки каскадеры... Для таких приключенческих картин возник даже особый термин «истерн» — сводный брат «старого», «доброго» вестерна.

Исследование социальной психологии народа в эпоху пролетарской революции как-то само собой подменилось более или менее профессионально сработанными поделками, умозрительно сконструированными кинофмоделями, где «свой» прятался среди «чужих», стреляла роковая седьмая пуля.

«Отец и сын» — фильм психологический. Интерес к нему держится характерами. И это при наличии остроконфликтных ситуаций, интригующих поворотах сюжета. Самое главное в стилистике — отсутствие стилизации. Никто из героев, включая строевых белогвардейских офицеров, не кокетничает небрежной походкой ковбоя, не крутит вороненый «кольт»... Действительность в кадре — а дело-то происходит в Сибири — земна, вещна.

В основе фильма (сценарий А. Иванова, В. Краснопольского и В. Ускова) лежит одноименный роман Георгия Маркова. Этим обстоятельством в первую очередь объясняются отличительные качества всего образного строя картины: литература повела за собой экран.

Марков, уроженец Западной Сибири, досконально знает родной таежный край. Романист не сбивается на скороговорку. Письмо его эпично, склонно к подробностям, к «раскадровке» сцен: «В знойную июльскую пору тысяча девятьсот двадцать первого года вверх по Васюгану плыли караваном прокопченные паклей с варом, просмоленные тесовые лодки...» Так неспешно начинается роман «Отец и сын» — один из тех романов, что составляют «сибирскую» библиотеку.

Нравы, обычаи, страсти обитателей таежных сел, обживших берега Оби, Васюгана, Енисея, Катуни, нашли своеобразное отражение на страницах произведений многих и многих прозаиков — от Шишкова и Всеволода Иванова до Астафьева, Шукшина, Анатолия Иванова... Они все увлечены сильными, непокорными характерами сибиряков, закаленных дикой природой, тысячекилометровыми малонаселенными пространствами. Кинематограф, извечно питаясь от литературы, заинтересовался «сибирской» прозой. В числе тех, кто прочно связан с

Кадр из фильма.

«сибирским» романом, оказались режиссеры Краснопольский и Усков. Широко известны их многосерийные телефильмы по произведениям Анатолия Иванова — «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

Экранизация романа Георгия Маркова выстроена по тому же серьезному принципу примата народной психологии. Осуществление этой психологии в конкретных социально-исторических условиях протекало противоречиво, драматично, и авторы фильма не боятся сцен человеческой гибели, не замалчивают подлость и вероломство. Но главное при этом то, что они страстно верят правде, отстаивают торжество жизни.

Роман рассказывает о первой попытке сельских коммунаров, бедняцких крестьянских семей зажить сообща, артельно. Расчистить от бурелома пашню, срубить дома из доброго леса, запастись на долгую зиму рыбой, подружиться с местными охотниками-остяками... Еще продолжается на Востоке гражданская война, а тут, на мрачноватых, пустынных берегах Васюгана, вчерашние красные воины, горстка коммунистов, самозабвенно поднимают на новые дела односельчан, зажигают надежду на светлую жизнь. Звенят над разбуженной рекой топоры и пилы, требовательно подает голос первый новорожденный в коммуне; весело отмечается первый юбилей: месяц после высадки каравана...

Верховодит Роман Бастрыков, светловолосый, породистой лепки неугомонный «чалдон», жадный до работы и осмотрительный на слово. Характер приподнятый, обаятельный. Актер Вадим Спиридонов, перешедший на новую роль из фильма «Вечный зов», создает образ первого коммунара свободно, размашисто. Удаль сочетается с умом, этической чистоплотностью. При этом артист не играет «железного» человека. Его Роман страдает, томится, печалится, не отвечает на затаенную любовь замужней женщины, миловидной, горячей Луши (удача малоизвестной пока актрисы Н. Бутырцевой). Он отдает свое сердце единственному сыну Алешке, чья мать расстреляна колчаковцами. В сыне — продолжение рода, память о погибшей. В сыне — осуществление веры в грядущее, новая, гордая, разумная Сибирь.

Бастрыков-старший — такова логика кинодилогии — характер героический. На заимке, в глухом таежном гнездовье, затаились колчаковские офицеры, озлобленные, не смирившиеся, вооруженные. Они заманивают в ловушку коммунистов: Романа и его двух боевых товарищей, расстреливают их в упор. Последним гибнет Бастрыков, смело, победительно глядя в глаза врагам. Он и такой, безоружный, смертельно раненный, страшен недобиткам: истерически стреляют они в красного коммунара.

Я вспомнил традиции киноклассики: такую вот сцену-обобщение, кинометафору — человек сильнее смерти! — открыл для нашего экрана Довженко в своем давнем теперь, еще немом фильме «Арсенал». Вражеские пули не брали Тимоша, верного бойца революции. Прием этот повторили Райзман в картине «Коммунист» и Михаил Калатозов в ленте «Я — Куба». А теперь вот свой вариант героической кинометафоры предложили Краснопольский и Усков.

Довженковская традиция проявила себя спустя десятилетия.

В огне брода нет... Следуя духу романа, авторы экранизации четко расставляют идеологические акценты. Советская власть на сибирских просторах закалялась в огне тяжких испытаний. И образ огня проведен через весь фильм. Пылает подожженное Лушей гнездовье колчаковских офицеров. От руки врага выгорает дотла возводимое с таким старанием поселение коммунаров. Живым факелом мечется, гибнет в морозных сумерках молоденькая учительница: кулацкие сынки облили ее бензином и подожгли. А сколько костров и костерков потрескивают по лесистым берегам Васюгана! Иногда это огонь дружбы и гостеприимства, иногда необходимая защита от стужи, иногда западня и смерть.

Анатолий Иванов, один из авторов сценария фильма «Отец и сын», говорит: «Мы поставили перед собой нелегкую задачу исследовать в определенных исторических условиях истоки героических подвигов людей и истоки человеческого предательства, хотели показать, какое это было непростое дело — становление и укрепление Советской власти на селе. Мы сознательно шли на включение «жесткого» материала — в фильме много драматических и трагических сцен. Но при этом не забывали, что должно быть обязательно героическое, оптимистическое начало».

«Опрокинутая тишина» и «Эхо далеких выстрелов». Так называются части кинодилогии. Драматургия каждой серии самостоятельна, целостна. Время действия — 21-й и 27-й годы. Но сквозных героев здесь немало. Среди последователей Бастрыкова, убитого коммунара,— его сын Алексей. Дело отца продолжается и в этом светлоголовом (как Бастрыков-старший) долговязом парне, сельском активисте, первом комсомольце родной приречной деревни. Поколения нерасторжимы...

У дилогии неожиданный финал. Действие обрывается кадром воинского письма-треугольника. Экран предлагает нам выписку из этого письма: «А ты, сын мой, запомни: враги революции не давали нам никакой пощады. Они нас стреляли, вешали, сжигали... Но революцию нашу нельзя уничтожить. Она будет жить и торжествовать вечно, потому что мы ей будем вечно служить...»

Свое письмо гвардии капитан Алексей Бастрыков, погибший при штурме Берлина 1 мая 1945 года, адресовал сыну...

Строками этими авторы фильма снова напомнили нам, как же мучительно трудно, какими величайшими жертвами добывал народ правду истории. Каждое поколение теряло своих сверстников. А держава живет силой новых поколений. Отцы продолжаются в сыновьях.

ЕГО СОВЕРШЕННАЯ ЦЕНН

Исполнилось 125 лет со дня рождения замечательного русского композитора А. К. Лядова. Мы публикуем воспоминания о Лядове, сохранившиеся в архиве поэта С. М. Городецкого, с которым композитор дружил в последние годы, и отрывки из нескольких его писем.

Из воспоминаний

С. ГОРОДЕЦКИЙ

Я встретил Анатолия Константиновича впервые на обеде у композитора В. Почти в центре длиннейшего стола, засыпанного цветами, я увидел моложавого старика, мастерски привычным жестом заправляющего себе салфетку за воротник. Огромный, покатый лоб типичного русского умницы, глубоко скрытые сильными, тяжелыми веками глаза и капризный, как у недовольного ребенка, рот, обрамленный тщательно подстриженными седыми усами и бородкой, составляли самое характерное в его необыкновенной голове. Когда мне сказали, что это Анатолий Константинович Лядов, я разглядел лицо его внимательней. Меланхолическая созерцательность была самым частым его выражением. Что-то древнерусское, и даже зарусское, глубоко восточное, не то татарское, не то индусское, сквозило в этом лице. Несокрушимое спокойствие сознающей самое себя силы, совершенно не нуждающейся в том, чтобы доказать себе ее каким-нибудь проявлением.

Не праздное любопытство руководит народами, когда они изучают до мельчайших подробностей жизнь своих гениев, каждую букву Пушкина, каждый поступок Толстого. Ими руководит благородная жажда проникнуть в тайну высшей жизни и скрасить свое будничное существование хоть самым отдаленным участием в жизни творцов.

Когда-нибудь, когда будут собраны все письма А. К. Лядова — по-видимому, их осталось около трехсот,— когда его творения будут изучены так подробно, что ясен будет путь — единственный и прекрасный — от романса «Не пой, красавица, при мне» до «Скорбной песни», тогда можно будет думать о более или менее исчерпывающей картине его жизни и творчества, о законченном его портрете.

Пока же этого нет, можно только наметить основные черты этого портрета — те черты, которые, конечно, виднее будут позднейшим поколениям, но которые роднее и дороже современникам-свидетелям.

Эпической силы образ остался у меня от Анатолия Константиновича после первой же встречи. Поражали в этом образе его совершенная округленность, полнейшая законченность, цельность в самом себе, монолитность. И с тоскою читал я теперь, подготовляя настоящий очерк, его письма семидесятых, восьмидесятых и дальнейших годов, видя в них мнения и суждения буквально из наших бесед. Решал Ан. К. бесповоротно. Слово его было кремень. Силой морального своего авторитета противостоял он разнообразнейшему натиску впечатлений, шедших и из Руси и с Запада. Мне неизвестно другого такого средоточия художественной жизни, на протяжении сорока лет хранившего свое единство. Какова же вера в правду, в силу искусства была у этого человека, если он жил молча? Поистине не оскудевает богатырями красота русская.

В ту весну мы часто виделись с Ан. К. Стояли дивные белые ночи. Он их любил, как яд, как наркоз, как опьяняющий дурман. Позже, помню, сказал он мне однажды по телефону: «Вы знаете, природа злая; это-то и восхитительно». Злая — значит живая, личная, имеющая власть над тобой и к этой власти волю. Вот эту-то волю природы над собой особенно чувствовал Ан. К. в белых ночах в ту весну.

В эти весенние вечера и ночи он подолгу играл у нас, свое любимое. Первое, что он захотел сыграть, были детские и народные песни; иные играл он подряд по нескольку раз. Любимыми его были: «Страшный Суд», «О птицах», «Шел Ванюша из гостей», «Колыбельные», «Сваха», «Судит дрÿма», «Я с комариком плясала», «Таусеньки», все «Калики» и «Свадебные». С особенной любовью он играл по нотам. С таким же, как песни, увлечением играл он на память отрывки из балета, который сочинял вместе с Алексеем Михайловичем Ремизовым. Балет назывался «Лейла и Алалей», и над разработкой сюжета Ан. К. сам много потрудился. Играл он главным образом тему моря, к которому пришли за счастьем люди. Помню, с небрежным видом волшебника, рассыпающего сокровища без счету, он, сыграв несколько этих тем, спросил, которая лучше, добавив, что их у него до семнадцати. Лучшую, по его решению, и действительно волнующую выраженным в ней безысходным стремлением он записал на своем портрете, прибавив заглавие «Капля моря». Это всего четыре такта, и это все, что осталось от балета.

Играл Ан. К. и из других задуманных, может быть, готовых, но незаписанных вещей, например, «Из Метерлинка». Из прежних своих вещей играл «Волшебное Озеро», с необычайной изобретательностью заставлял воображение слышать оркестр. Многократно играл «Табакерку», и никому ее не исполнить так, как он сам.

Сколько раз потом я жалел, что не было у меня фонографа для записи его игры! Как мучительно досадно, что наши музыкальные музеи не догадываются делать таких записей! Безвозвратно, навсегда погибло счастье слышать игру Ан. К., только некоторые внешние признаки этой игры можно восстановить в словах.

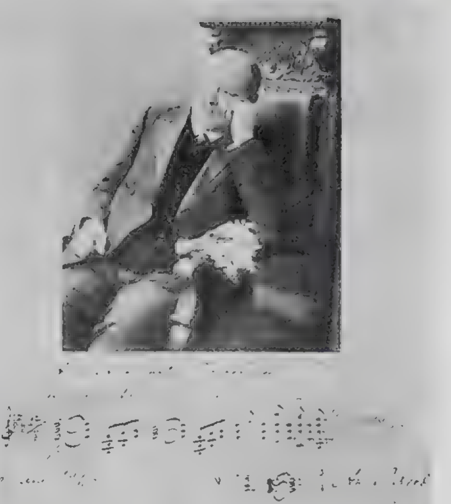
Подходил он к инструменту медленно и внутренне торжественно, садился тяжело и просто, скромно и незаметно клал красивые руки на клавиатуру. Это не было прикосновение виртуоза-техника, это не был полуневрастенический, полуэкстатический налет Скрябина, это было эпически спокойное, мощное приближение властелина к своему царству.

Есть в современной живописи движение, именуемое пуризмом и требующее от художника аскетической экономии в средствах.

Игра Ан. К. была в высшей степени пуристична. Ни одним мускулом не двинет больше, чем это строго необходимо. Почти не видно, как подымаются и опускаются пальцы. Глядишь и не понимаешь, откуда звуки. Катятся по мощному бархату низов ослепительные бисеринки верхов. Сказочной нежности, былинной силы рождаются звуки.

Дивно смотреть на движения рук по клавишам. Легки, уверенны и любовны они, иной раз как будто небрежны на вид, но изумительно внимательны и чисты на деле. Невероятной кажется восточная роскошь звуков — из таких простых сочетаний она сплетается.

Силы света, силы тьмы одинаково подвластны были этим рукам.

А. К. Лядов. Портрет с автографом.

Публикуется впервые.

Из писем А. К. Лядова

25-го марта 1901 г. Любовь — во всех видах и формах — мой воздух, мой хлеб, моя вода. Жить и не любить и не быть любимым — для меня страшнее всех болезней, страшнее смерти.

«И сердце вновь горит
и любит — оттого,
Что не любить оно не может».

*

16-го ноября 1901 г. Читал вчера ночью Щеглова — очень интересно. А главное, он очень Пушкина любит. Как бы я хотел во всех (кого я люблю) вселить такое же обожание к Пушкину, какое я к нему чувствую. Всех бы поэтов мира отдал бы за Пушкина. Моя мечта побывать на его могиле, поцеловать его крест и сорвать листок с его могилы. Мечта, кажется, и останется мечтой!

Читаю Диккенса: от начала до конца — неправдоподобно, мелодраматично, а главное — живых людей нет. Но все написано с такой добротой, с таким нежным сердцем, что он должен быть «другом детей».

*

6-го июля 1904 г. Я опять перечитываю письма Пушкина. Изумительные письма! Странно! Я к Гете равнодушен — стало быть, и к

ОСТЬ

Фаусту тоже. Он (Гете) всегда казался мне холодным, несмотря на то, что он чистокровный гений. Техническое совершенство и громадный ум — и холод, холод... В нем мало сердца и человека. А, впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Во всяком случае — он мне чужой.

Читаю «Руслана» и поражаюсь. Ведь «Руслан» писался, когда Пушкину было 16—17 лет! Изумительное знание жизни сквозит в каждой строчке. Уже в эти года он очень хорошо знал женщин. А какая легкость творчества! Рифмами играет, как жонглер шарами. Пушкин — изумительное явление на земном шаре. Когда-нибудь к такому выводу придут решительно все.

*

11-го октября 1906 г. Вчера умер Стасов. Сегодня перечитывал его письма ко мне. Так стало скучно. Больше не встречу в своей жизни такого человека! Он всех всегда подбодрял. Мне он всегда казался зимним, морозным, ясным днем.

*

22-го октября 1906 г. Вчера я был в концерте Зилоти. Между прочими нумерами были исполнены три «Стихотворения в прозе» Тургенева с музыкой Аренского — декламировала Комиссаржевская. Стихотворения были: «Нимфы», «Как хороши, как свежи были розы» и «Лазурное царство». Музыка — серенькая, не оригинальная, но сладко-благозвучная. Ком-ая читала очень хорошо. А слова — гениальные, сама поэзия, чудо красоты, единственная во всей русской литературе, божественная!!!

Я до неприличия проплакал эти стихотворения и от конфуза не знал, куда деваться.

Тургеневские слова были лучшей музыкой этого концерта. Ах, какой он был великий мастер! Но, увы! Он боялся не «идти в ногу» с передовитостью и с пользой. Проклятая польза!

19-го ноября 1907 г. На днях прочел толстую-претолстую биографию Моцарта. Какой удивительный гений! Перечитайте другого удивительного гения-пророка «Моцарт и Сальери». Изумительно, как он понял Моцарта — это лучшая биография...

16-го апреля 1908 г. Я каждый день бываю у Корсакова. Ему теперь лучше, но... это ведь болезнь такая, что сегодня хорошо, а завтра — «со святыми упокой». Он был очень доволен, когда я похвалил его «Петушка». Он сказал: «Вот это мне большой подарок на Праздник»!

Мое «Озеро» совсем готово, т. е. как сочинение, но, конечно, придется еще много возиться при инструментовке. Ах, как я его люблю! Как оно картинно, чисто, со звездами и таинственностью в глубине! А главное — без людей — без их просьб и жалоб — одна мертвая природа — холодная, злая, но фантастичная, как в сказке. Теперь все время думаю о самой поэтичной инструментовке.

Публикация Р. С. ГОРОДЕЦКОЙ

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ...

Недавно в Петровском зале Эрмитажа я с грустью разглядывал обувь посетителей, решивших приобщиться к шедеврам мировой культуры. Все началось с тощего коврика, съежившегося у главного входа. А затем продолжалось на площади в 67 тысяч квадратных метров палисандра, самшита, черного эбенового дерева и иных редкостных пород, уложенных не как-нибудь, а по проектам А. Брюллова, В. Стасова...

Не знаю, что творилось в душах экскурсантов. Но хорошо видел, что творили их ноги: изумительной красоты полы (специалисты утверждают, что по художественной ценности паркеты иных залов немногим уступают экспонатам, висящим на их стенах) тускнели и теряли краски буквально на глазах. Тщательно убранный с утра пол Петровского зала к полудню напоминал хорошо утоптанную танцплощадку дома отдыха.

А народ все шел и шел. Три с половиной миллиона (!) экскурсантов принимает Эрмитаж ежегодно, и каждый считает для себя обязательным побывать у императорского трона или ощутить на себе пристальный взгляд Петра с картины, запечатлевшей его аллегорическую встречу с древнеримской богиней мудрости и военного искусства Минервой.

И порой кажется мне, что взгляд этот с каждым годом становится все сумрачнее: день за днем железо подметок и набоек, застрявшие в подметке осколки стекла и камешки с неутомимостью хорошо отлаженного станка строгают, режут, гвоздят бесценные квадратные метры залов, наглядно утверждая злободневность возникшей проблемы. А возникла она не сегодня.

Еще в школьные годы, помню, по музею гуляли исключительно в войлочных тапочках. Выдавая их, администрация музея, естественно, брала на себя дополнительные хлопоты, но отнюдь не они заставили ее вскоре отказаться от подобного сервиса. Когда число гостей перевалило за миллион в год, выяснилось, что вреда от тапочек стало куда больше, чем пользы. Во-первых, они поднимали столбы опасной для картин пыли, во-вторых, по утверждению служителей, после довольно непродолжительной эксплуатации начинали терзать полы не хуже наждака. Это парадоксальное на первый взгляд явление недавно было подтверждено научными исследованиями, специально проведенными в Сан-Суси.

Установлено, что микроскопические пылинки постепенно набиваются в войлочную подошву столь плотно, что вытряхнуть их оттуда невозможно никакой механической или химической обработкой. Затвердевая, пыль уподобляется наждаку со всеми вытекающими последствиями. А «вытекает», кстати, немало: ежегодно на реставрацию полов Эрмитаж тратит примерно сто тысяч рублей.

Так как же быть: в тапочках плохо, а без них и того хуже? Когда эту задачу в порядке эксперимента предложили начинающим изобретателям — учащимся младших классов одной из ленинградских школ, все они, не мудрствуя лукаво, дружно вспомнили... Карлсона. И посоветовали администрации выдать каждому экскурсанту маленький моторчик с пропеллером. Главному инженеру Эрмитажа Н. А. Принцеву эта идея понравилась, но ввиду затруднений с клубничным вареньем (а Карлсон, как известно, предпочитал именно этот вид «топлива») осуществление ее пришлось отложить до лучших времен. А пока надо было искать что-нибудь более прозаическое и не менее надежное.

И Николай Андреевич нашел! Нашел прежде всего энтузиастов в производственном объединении «Ленбытхим». Вместе с ними придумал, изготовил новый вид тапочек — из латекса. Были они легки, прозрачны, безразмерны, одинаково ладно облегали и сапог сорок седьмого размера и крохотную туфельку. Но, к сожалению, стоили денег — пара тапочек одноразового пользования обходилась в 20 копеек. А по какой статье их провести, возмутилась бухгалтерия. Увеличить стоимость входных билетов с 30 до 50 копеек? Но это никто не разрешит. Добиться дотации от Министерства культуры и вручать тапочки бесплатно? С этим предложением Н. А. Принцев и направился в столицу. Вернулся ни с чем, поскольку сумма ежегодной дотации значительно превышала средства, расходуемые на реставрацию. Ему предложили по-прежнему ремонтировать то, что он хотел спасти раз и навсегда.

Было это семь лет назад. И, как я имел возможность убедиться, даром они для Петровского, Георгиевского, Николаевского и иных залов Эрмитажа не прошли. Несмотря на заботливый уход и тщательнейший ремонт. Что вполне естественно, так как даже камень ступеней и тот стирается, не выдерживая ежемесячного натиска сотен тысяч пар башмаков.

Впрочем, ошибаюсь: паркет крохотного перехода от Советской лестницы в Павильонный зал (площадью всего в тридцать квадратных метров) вот уже три года успешно соперничает не то что с камнем — с железом! Хотя переход этот нагрузки испытывает [illegible]

Именно последнее обстоятельство и привлекло к нему внимание Принцева, не опустившего руки после первой неудачи с латексом. Он по-прежнему искал то, чего не могла предложить Эрмитажу ни одна фирма мира,— идеальное покрытие полов.

Идеальное в его представлении выглядело так: прозрачное, прочное, безвредное, дешевое. Была еще масса дополнительных условий, но их для кратности перечислять не буду. Важно то, что он вновь нашел искомое. И не где-нибудь, а... в областной молодежной газете «Смена». В статье, рассказывавшей о новостях Всесоюзной ударной комсомольской стройки объединения «Фосфорит», Николай Андреевич обратил внимание на малозначащий для неспециалиста факт: на стройке стали использовать гуммировочные составы для покрытия роторов насосов, которые перекачивают пульпу, содержащую абразивные частицы. Несмотря на их предельную агрессивность, применение чудо-состава позволило в десятки раз увеличить срок службы роторов.

Так в записной книжке Принцева появился новый ориентир: адрес Всесоюзного научно-исследовательского института синтетического каучука. А затем телефон одного из его сотрудников, кандидата химических наук В. С. Шитова. В его биографии есть любопытная деталь — еще тогда, когда он был аспирантом, Вячеслав Сергеевич использовал каникулы и скупое свободное время для работы... экскурсоводом в Эрмитаже. Совмещал приятное с полезным — рассказывал иностранцам о том, что сам хорошо знал и любил, а заодно совершенствовался в английском. В биографии его коллег по отделу такой прямой связи с музеем не наблюдалось. Но надо знать, что такое для ленинградцев Эрмитаж, чтобы понять, отчего весьма занятые, обремененные делами и семьями люди в течение двух лет добровольно и бескорыстно тратили свое личное время ради цели, весьма далекой от их плановых заданий.

В порядке шефства они взялись за то, что не удалось многим известным фирмам, занимавшимся подобными исследованиями отнюдь не из альтруистических побуждений. Задача действительно оказалась зубастой: будущее покрытие то намертво приставало к полу, отдираясь от него лишь вместе с паркетом, то неожиданно темнело, то пучилось, подобно жевательной резинке. А когда, наконец, оно улеглось прозрачным гладким ковром, то заслужило самую высокую оценку экспертов, собравшихся в Москве на международной выставке «Химия-77». В числе его достоинств, в частности, отмечалось следующее: «Полибутадиенуретановые покрытия, предназначенные для защиты от абразивного износа паркетов из особо ценных пород дерева, обладают высокой прочностью, низким набуханием в воде, а по износостойкости в несколько раз превосходят покрытия из шведского лака».

Итак, победа?! Да, вроде бы... Однако радоваться оказалось рано, ибо за три прошедших года в судьбе полов музея ровным счетом ничего не изменилось. Разве что к экспериментальным 30 квадратным метрам добавилось еще 120 — в небольшом зале со служебным названием «Петербургские виды».

Там я стоял на коленях. И с разрешения администрации пытался всеми доступными в данный момент способами — ногтем, пятаком, каблуком — причинить вред вызывающе нарядному паркету. К великому удовольствию Принцева ничегошеньки у меня не получилось. Так же как и у многих тысяч других посетителей, невольно экзаменовавших его целых полтора года.

Что же мешает немедленному и повсеместному использованию новинки?

— Ее... отсутствие,— пояснил Николай Андреевич.— Опытная партия, любезно изготовленная с помощью ВНИИСКа,— капля в море. Нам же требуется около пяти тонн состава ежегодно.

— А всем дворцам Ленинграда?

— Тонн пятнадцать — двадцать,— прикинул Принцев.

И я понял, что дело плохо. Вот если бы требовалось 15 тысяч, а еще лучше 15 миллионов тонн, желающие взяться за выпуск наверняка бы нашлись. А кому охота возиться с таким мизерным количеством?

— Верно, желающих и в самом деле пока нет,— согласился и В. С. Шитов.— А возможные потребители из разных городов Союза звонят в наш институт: выручайте! Мы бы и рады, да не можем — институт не завод.

— А кто может?

— Ну, например, Казанский завод синтетического каучука.

Адрес был подсказан отнюдь не случайно. Уреплен, как назвали ленинградские химики новое покрытие, состоит из двух компонентов, основной из которых производят в Казани. Освоить там же выпуск второго, по утверждению Шитова, совсем не сложно.

Куда сложней найти людей, способных столь же искренне и бескорыстно, как рабочие «Ленбытхима», ученые ВНИИСКа, проникнуться заботами Эрмитажа, понять, что любое наше внимание к нему не доблесть — долг.

Быть может, такие сыщутся в коллективе казанского завода? Или в Министерстве нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР?

А пока сказка сказывается, все остается по-прежнему. Шитов с Принцевым испытывают новые виды покрытия, добиваясь снижения его себестоимости за счет применения более дешевых компонентов. Что же касается любознательных посетителей, то они восхищенно... топчут ногами то, чему не грех бы и поклониться.

Ну, а я, вспоминая замечательные и, увы, немало претерпевшие паркеты дворцов Павловска, Пушкина, других городов страны, никак не могу уразуметь, отчего государственных масштабов дело до сих пор решается лишь усилиями энтузиастов. Тем более что львиная доля работы ими уже выполнена и от вышестоящих инстанций, например, Министерства культуры СССР, требуется немногое — заинтересованность и поддержка.

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

Фото Г. Людковского

ПОДЕЛИСЬ ПЕСНЕЙ

...Лица собравшихся у эстрады на краю большой лесной поляны серьезны и сосредоточенны. Неровный, мерцающий свет горящих факелов. Минута молчания...

Так участники и гости XXV слета Московского клуба самодеятельной песни, который открылся 9 мая, почтили память советских людей, отдавших жизни в боях за Родину.

Усиленные репродукторами, установленными здесь же, на лесной поляне, и подхваченные сотнями и тысячами голосов, в тиши подмосковной ночи зазвучали песни. О войне и о солдатах.

Ни дальнее расстояние, ни ветер, ни проливной дождь не помешали участникам собраться на этот очередной слет, организованный Московским горкомом комсомола.

Зрители слета и его участники, приехавшие сюда из разных городов и республик страны, услышали песни своих любимых авторов — и те, что знакомы давно, и новые, прозвучавшие впервые — песни В. Долиной, Н. Сосновской, Ю. Лореса, В. Суханова и многих других. Авторы и слушатели здесь никогда не чувствуют себя разобщенными — они живут в соседних палатках, подчас запасают дрова для одного костра, у них всегда есть возможности общения.

А. СОКОЛОВ

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Накануне 35-летия Дня Победы в редакции «Огонька» состоялась встреча сотрудников журнала с заслуженной артисткой РСФСР В. Толкуновой и народным артистом РСФСР Г. Сорокиным (аккомпанировали им Д. Ашкенази и М. Брохес).

Георгий Сорокин прочел несколько стихотворений и отрывки из прозы советских авторов. Его манера исполнения, как и всегда, была сдержанной, ясной и четкой. И как всегда, за внешней простотой — глубина мысли, сложность переживаний, красота и цельность человеческой души...

Певица Валентина Толкунова напомнила нам песни, которые стали известны и полюбились миллионам слушателей в ее исполнении. Она познакомила и с новыми своими работами. Ее искусство покоряет тонким лиризмом, мягкостью, теплотой. Именно поэтому так ярко, задушевно, будто заново рождались на свет, звучали в исполнении певицы и русские народные песни.

Редакция журнала приносит искреннюю благодарность этим артистам, принявшим участие в праздничном концерте.

Фото И. Тункеля

Общий вид манежа.

ДВОРЕЦ

Белоснежное здание в березовой роще. Это новый конноспортивный комплекс ЦСКА, который в дни Олимпиады-80 будет местом тренировок пятиборцев. Манеж отличается хорошим грунтом, что очень важно для выступлений, на трибунах могут разместиться две тысячи зрителей. Есть удобный предманежник для разминки лошадей, тир, фехтовальный зал. Созданы отличные условия для подготовки спортсменов к ответственным стартам: действуют сауна, душевые, столовая на двести мест, комнаты отдыха.

Длинным коридором, по которому проводят в манеж лошадей, можно попасть в конюшню — святая святых всех лошадников. И сразу окунаешься в особую атмосферу, так хорошо знакомую тем, кто любит конный спорт. Терпкий запах, длинные ряды денников... В каждом деннике (а их около двухсот) автопоилка, автокормушка. Над денником — имя «прописанной» лошади, ее родителей, завод. Здесь же душ для лошадей, а этим может похвастаться далеко не всякий манеж. Есть и ветеринарная лечебница.

В манеже работают люди, связанные с конным спортом многие годы, любящие его,— тренеры Я. П. Баклышкин, Г. Т. Череда, многие другие... И. И. Болдырев, который недавно ушел на отдых, с лошадьми дружен был с довоенных времен. Во время войны командовал кавалерийским полком, имеет боевые награды — два ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны I степени. Он был чемпионом Советской Армии, руководил командой по конному спорту на XVI Олимпийских играх. Судья всесоюзной категории, он судил конные соревнования и за рубежом — в Румынии, Болгарии...

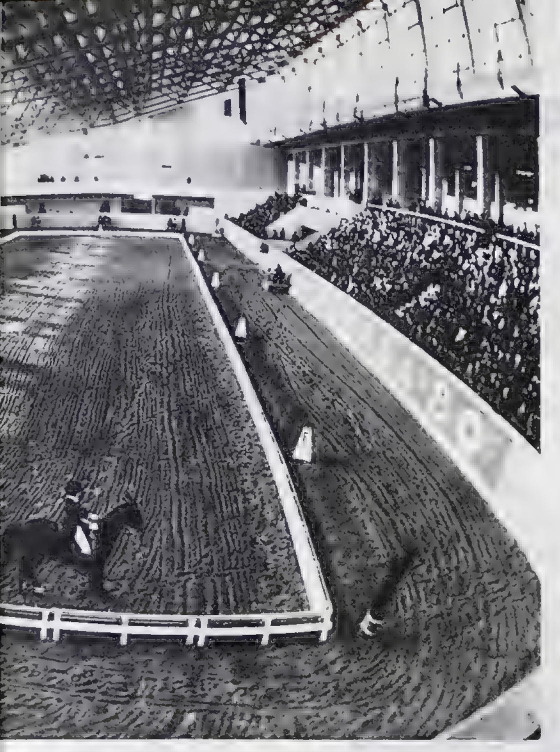
— Наш комплекс,— рассказывает начальник конноспортивного комплекса Владимир Петрович Третьяков,— одно из лучших сооружений подобного типа не только в Советском Союзе, но и в Европе. Здесь можно проводить самые крупные соревнования — первенства страны, чемпионаты мира по всем видам конного спорта...

В манеже уже проходили интересные соревнования: первенство страны, на кубок Москвы и Советского Союза по конному спорту.

Олимпийский чемпион Иван Калита, ныне старший тренер сборной Советского Союза по высшей школе верховой езды, назвал комплекс Дворцом конного спорта. Что же, в этом нет преувеличения. Отличный подарок получили спортсмены-конники.

Н. МИХЕЕВА

Фото А. БОЧИНИНА

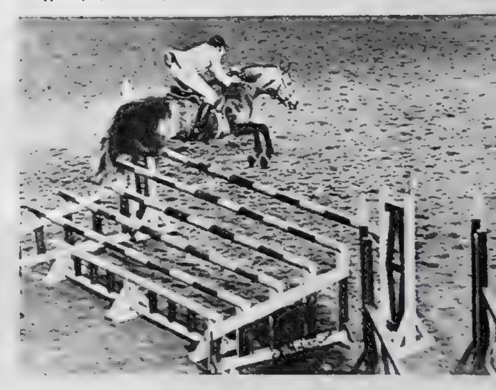
Елена Варламова с Эспадроном.

КОННОГО СПОРТА

Утренний туалет.

Конкур — преодоление препятствий.

ВНЕДРЯТЬ? ОТВЕРГНУТЬ? ИССЛЕДОВАТЬ!

Под таким заголовком был опубликован материал в № 7 нашего журнала за этот год. В нем шла речь о проблемах внедрения лекарственных средств, рожденных вне стен научных учреждений, о трудной судьбе авторов этих препаратов, о тех преградах, с которыми людям приходится сталкиваться, чтобы доказать эффективность своих методов врачевания.

Материал вызвал поток писем в редакцию. Общее мнение подавляющего большинства читателей таково: прежде чем отвергнуть какой-либо «ненаучный» способ лечения, его надо всесторонне исследовать и прежде всего обращать внимание не на то, кем он предложен, а каковы результаты лечения.

С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться.

О том, что поставленные проблемы действительно волнуют многих, свидетельствуют сотни и сотни читательских писем.

«Материал в № 7 не оставит равнодушным ни одного человека, прочитавшего его,— пишет М. Полухина из Мурманска.— Наверняка многие обращаются к вам с просьбой помочь им лечиться средствами народных лечителей, гостей редакции. Это лишний раз доказывает, что наша научная медицина не всегда способна помочь людям, страдающим тяжкими недугами».

Действительно, таких просьб очень много. Мы пользуемся случаем ответить нашим читателям, что редакция не может сообщить адрес того или иного народного врачевателя, так как не имеет права взять на себя ответственность рекомендовать их средства, пока не закончена официальная апробация. (Не говоря уже о том, что упомянутые нами врачеватели не в состоянии обеспечить своим лекарством всех желающих.)

Многие читатели просят сообщить о судьбе исследований препаратов. Когда Фармакологический комитет вынесет о них свое окончательное решение, редакция непременно доведет его до сведения своих читателей.

Целый том можно составить из писем, в которых рассказывается о создателях других самых разных и, как считают авторы этих писем, весьма эффективных методов лечения, не признанных официальной медициной. Много места в этом томе заняли бы письма о методе А. С. Троицкой. Из этих писем мы выбрали только два. Вот строки из этих писем.

«Статья «Внедрять? Отвергнуть? Исследовать!» посвящена актуальному вопросу. По моему мнению, имеются все условия для решения идеи, высказанной в конце статьи.

В настоящее время назрела проблема беспристрастного изучения и использования значительного опыта лечения людей, больных различного рода тяжелыми недугами, представителями так называемой неофициальной медицины. К ним относятся не только знатоки народной медицины, но и люди, имеющие специальное образование.

Примером человека, который заслужил своим огромным трудом большое уважение, является ныне покойная Александра Сергеевна Троицкая, кандидат медицинских наук.

А. С. Троицкая предложила свой метод лечения опухолей злокачественного характера. Этот метод основан на вакцинации больных раствором, приготовленным особым способом из крови каждого из больных. Вакцинация производится периодически, с определенной продолжительностью.

Благотворное действие вакцины я испытал на себе.

Я уверен: совершенно необходимо организовать беспристрастное, тщательное изучение и развитие метода А. С. Троицкой, использовав опыт и знания ее учеников в Калужской лаборатории, а также организовать наблюдение за больными, которые много лет принимают вакцину А. С. Троицкой».

А. БРОДСКИЙ,
профессор,
доктор технических наук,
лауреат Государственной премии СССР

Александра Сергеевна Троицкая.

«А. С. Троицкая опубликовала свой метод еще в 1959 году. Ею были проведены опыты по прививке опухолей животным. Микроб, выделенный от больных раком и саркомой, прививался и обнаруживался в крови мышей, крыс, морских свинок, котят, щенят. Живые культуры вызывали опухоли не только у животных, но и у растений. Убитые культуры (а они и являются вакциной) предохраняли животных от развития прививаемых опухолей. На убитых микробах организм учился бороться с живыми микробами.

Я сам периодически в течение нескольких лет пользуюсь калужской аутовакциной».

Н. РУМЯНЦЕВ,
доктор ветеринарных наук.

Эти письма являются как бы продолжением начатого журналом разговора о проблемах исследования и внедрения новых методов врачевания.

Как нам сообщили в Министерстве здравоохранения СССР, в настоящее время исследование метода А. С. Троицкой проводится совместными усилиями сотрудников Калужской микробиологической лаборатории, которой руководит биолог О. Н. Бархатова, и врачей Калужского областного онкологического диспансера.

Конечно, насколько эффективен или неэффективен метод иммунотерапии, разработанный А. С. Троицкой, должны решать специалисты. И здесь уместно привести слова виднейшего онколога страны, президента АМН СССР Николая Николаевича Блохина:

«В научной работе необходима правда и только правда. Очень опасен субъективный подход к анализу определенных научных материалов. Объективная проверка предложений должна проводиться другими, незаинтересованными лицами».

Хочется верить, что именно такой объективной и будет проверка эффективности метода А. С. Троицкой. Ведь сегодня, когда ни один из существующих способов лечения онкологических заболеваний нельзя признать абсолютно действенным, необходимо особое внимание к тем методам, которые оказались хоть сколько-нибудь эффективны. Отдельные неудачи этих методов не должны разочаровывать. Эти неудачи, возможно, показывают лишь то, насколько мало мы знаем пока о природе рака.

В последние годы в лечении опухолей все чаще обращают на себя внимание успехи иммунотерапии. Как отметил министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский, иммунотерапия стала новым и весьма перспективным направлением в современной онкологии.

Видный американский онколог Д. Холланд пишет: «Иммунотерапия очень важна в борьбе против рака. Мы располагаем убедительными доказательствами того, что защитные силы организма распознают чужеродность раковых клеток и вступают на ранних этапах с ними в борьбу... Цель иммунотерапии —укрепить защитные силы организма, которые уже сами в случае успеха должны уничтожить раковые клетки. Сегодня мы бессильны против многих форм рака именно потому, что обнаруживаем его слишком поздно».

Да, к сожалению, до сих пор не существует надежного, проверенного способа распознавания болезни. А насколько бы облегчилось лечение опухолей, если бы мы располагали простым, дающим быстрые результаты методом диагностики, например, по капельке крови. Ведь врачу не обязательно знать, где именно (в желудке, в печени или в легких) началось перерождение здоровых клеток в злокачественные. Главное — знать, что оно началось. И тогда можно воздействовать на этот процесс с помощью препарата, вакцины, которая бы помешала образованию опухоли и заставила бы сам организм, его защитные силы, бороться с этим процессом, повернуть его вспять.

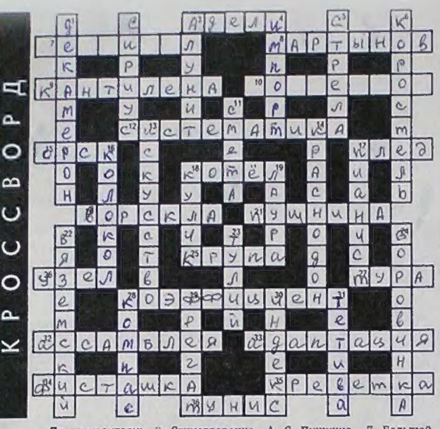
Это был бы идеальный метод диагностики и лечения рака. Именно о создании такого метода мечтала Александра Сергеевна Троицкая. К сожалению, она не успела довести начатое до конца.

«Эффективная терапия рака — дело недалекого будущего,— говорил видный советский ученый профессор М. Невядомский.— Развитие вакцинотерапии... рака будет заключительным аккордом усилий человека в его борьбе и победе над раком».

Будем верить, что это предсказание скоро осуществится.

Сергей ВЛАСОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 7. Большой круг небесной сферы, проходящий через зенит и заданную точку. 8. Русский драматический актер XIX века. 9. Певучесть, мелодичность музыки. 10. Оптическая система. 12. Наука о классификации животных и растений. 15. Город в Оренбургской области. 17. Шерстяное покрывало с бахромой. 18. Теплообменный аппарат для получения пара. 20. Приток Днепра. 21. Меховой товар. 25. Продукт переработки зерна. 26. Морская мера скорости движения судов. 27. Приток Тобола. 28. Множитель в алгебраическом выражении. 32. Общее собрание членов международной организации. 33. Приспособление организмов к условиям существования. 34. Орех южного дерева. 35. Небольшой морской рак. 36. Государство в Северной Африке.

По вертикали: 1. Сборник новелл Д. Боккаччо. 2. Самая яркая звезда. 3. Минерал, квасцовый камень. 4. Ввоз товаров из-за границы. 5. Подвижная часть подъемного крана. 6. Птица семейства пастушковых. 11. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 13. Творческое воспроизведение действительности в художественных образах. 14. Город в Ворошиловградской области. 16. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 17. Музыкант. 18. Птица, обитающая на болотах. 19. Действующее лицо оперы А. С. Даргомыжского «Каменный гость». 22. Русский поэт XIX века. 23. Химический элемент, металл. 24. Сорт яблок. 28. Прибор для ориентации на местности. 29. Парусный корабль. 30. Числовой или буквенный указатель в математике. 31. Бечева, стягивающая концы лука.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 7. «Хованщина». 8. Двоеточие. 10. Лобан. 11. Строй. 12. Ремарка. 13. Корабль. 15. «Яблочко». 17. Корин. 19. Мурзавецкая. 23. Выдра. 25. «Детство». 27. Вязание. 28. «Герника». 29. Белый. 30. «Аглая». 31. Шепетовка. 32. Профессия.

По вертикали: 1. Козодой. 2. Гайавата. 3. «Сибирь». 4. Борзая. 5. Контроль. 6. Титовка. 9. Театроведение. 14. Логунов. 16. Бакалея. 17. Кузов. 18. Ницца. 20. Костычев. 21. Штангист. 22. Лебедев. 24. Титания. 26. «Огниво». 27. Варзоб.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пражанки-подружки. * Прекрасна Вацлавская площадь.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сооружается корпус очередного атомного реактора на Пльзеньском заводе энергетического машиностроения комбината «Шкода». * В музее Пражского кремля.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

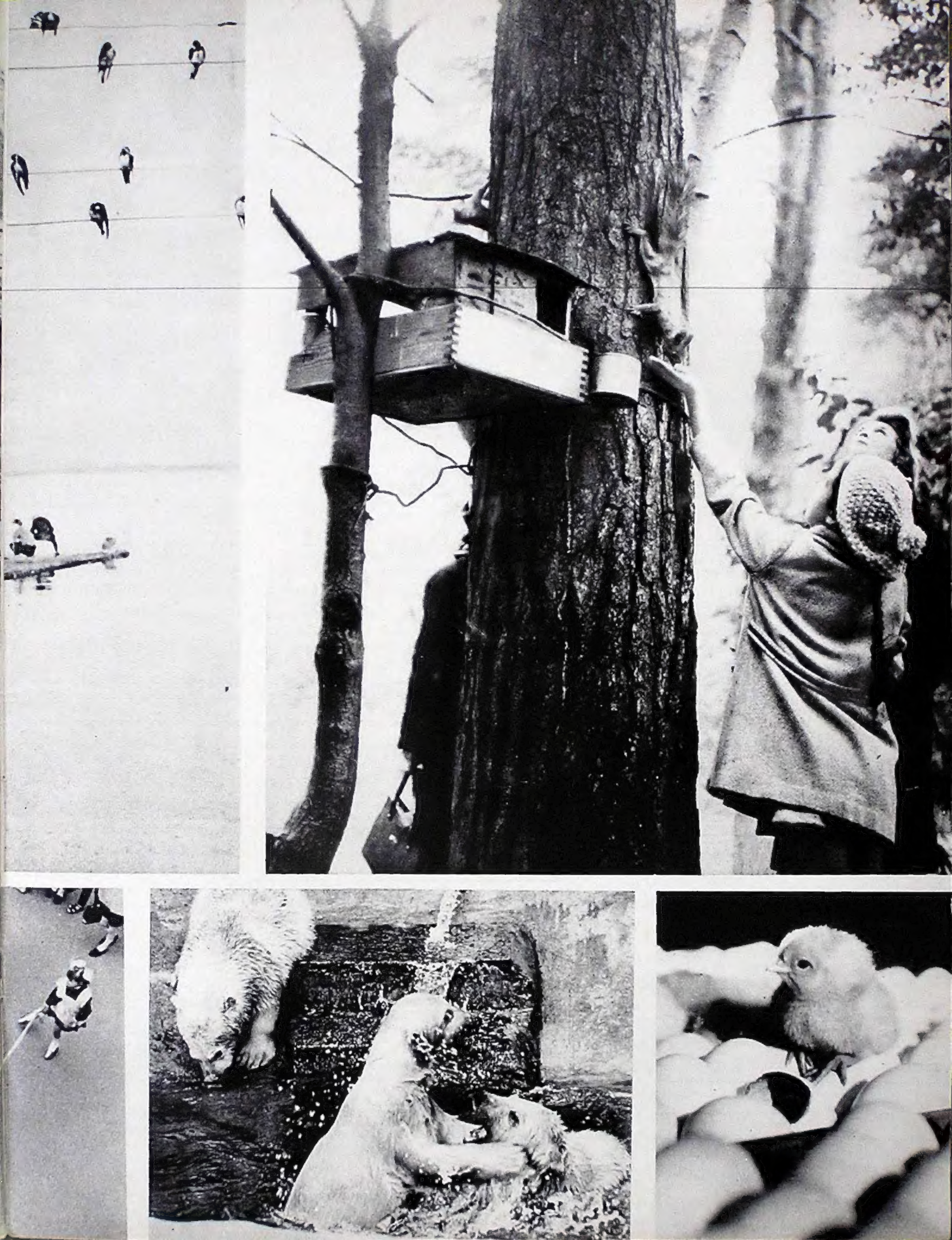
Сдано в набор 22.04.80. Подписано к печати 13.05.80. А 00360. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1055. Заказ № 2254.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ВЕСНА

Фото А. БОЧИНИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

